

A close-up, intimate shot of Jacob and Bella from the Twilight series. Jacob, with his characteristic golden-brown eyes, is leaning over Bella, his face partially in shadow. Bella has her signature long, wavy red hair and is looking off to the side with a contemplative expression. The lighting is dramatic, highlighting their profiles against a dark background.

*Стефани
Майер*

сумерки

*Самая знаменитая вампирская сага XXI века:
«Сумерки», «Новолуние», «Затмение», «Рассвет»*

Annotation

Первая книга знаменитой вампирской саги, изданной миллионными тиражами и возглавившей списки бестселлеров десяти стран. Литературный дебют, который критики сравнивают с «Интервью с вампиром» Энн Райс и «Теми, кто охотится в ночи» Барбары Хэмбли.

Влюбиться в вампира... Это страшно? Это романтично... Это прекрасно и мучительно... Но это не может кончиться добром – особенно в вечном противостоянии вампирских кланов, где малейшее отличие от окружающих уже превращает вас во врага...

Стефани Майер

Сумерки

Stephenie Meyer
TWILIGHT

Печатается с разрешения Little, Brown and Company, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Stephenie Meyer, 2005

© Перевод. У. В. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается моей старшей сестре Эмили: если бы не ее энтузиазм, эта история так и осталась бы незаконченной

*«А от древа познания добра и зла не ешь от него;
ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».*

Быт. 2:17

Пролог

Я никогда не задумывалась о том, как умру, хотя в последние месяцы поводов было предостаточно, а если бы задумалась, то едва ли могла бы предположить, что это произойдет именно так.

Затаив дыхание, я уставилась в противоположный конец длинного зала, прямо в непроницаемые глаза охотника, и он любезно ответил мне взглядом.

Конечно, это правильный выбор – умереть вот так, за дорогого тебе человека. Достойная смерть. Это что-то да значит.

Я знала: если бы я не приехала тогда в Форкс, то сейчас не смотрела бы в глаза своей смерти. Но даже сейчас, несмотря на ужас, объявший меня, я не испытывала сожалений. Глупо горевать о том, что жизнь подходит к концу, когда взамен судьба предлагает исполнить мечту, превосходящую твои самые смелые ожидания.

Охотник приветливо улыбнулся и не спеша направился убивать меня.

Глава 1

Первый взгляд

Мама везла меня в аэропорт, опустив стекла в окнах машины. В Финиксе было плюс двадцать четыре, в небе ни облачка – безупречная синева. В знак прощания с городом я надела свой любимый топ без рукавов, с белым шитьем. В ручной клади лежала парка.

На полуострове Олимпик в северо-западной части штата Вашингтон есть городок под названием Форкс, почти постоянно укрытый облачной завесой. В этом ничем не примечательном городке дожди идут чаще, чем где-либо еще в США. Оттуда, из этого унылого и вездесущего сумрака, мама сбежала вместе со мной, когда мне было всего несколько месяцев от роду. Там же я потом каждое лето маялась по целому месяцу, пока в четырнадцать лет не заявила наконец, что с меня хватит, благодаря чему в последние три года мой отец Чарли на целых две недели берет меня с собой в отпуск в Калифорнию.

И вот теперь я отбываю в ссылку не куда-нибудь, а именно в Форкс – я обрекла себя на это с ужасом, потому что ненавидела Форкс всей душой.

А Финикс любила – любила солнце и обжигающий зной, любила этот кипучий, привольно раскинувшийся город.

– Белла, – уже перед посадкой в самолет сказала мама в тысячный и последний раз, – тебе не обязательно уезжать.

Мы с мамой похожи, только у нее короткие волосы и морщинки от частого смеха. Я заглянула в ее по-детски широко распахнутые глаза, и на меня накатил приступ паники. Как я могу бросить на произвол судьбы мою нежную, взбалмошную, легкомысленную маму? Правда, теперь ее опекает Фил, так что счета будут оплачены, в холодильнике будет еда, в маминной машине – бензин, а если она заблудится, то будет знать, кому позвонить, и все же...

– Я хочу уехать, – соврала я. Врать я никогда не умела, но в последнее время повторяла эту ложь так часто, что сейчас она прозвучала почти правдоподобно.

– Передавай привет Чарли.

– Передам.

– Мы скоро снова увидимся, – уверяла она. – Приезжай домой, когда захочешь, и я сразу же вернусь, как только понадобится тебе.

Однако в глазах ее отчетливо читалось, что для нее это будет непосильная жертва.

– Не волнуйся ты так, – попросила я. – Все будет замечательно. Я люблю тебя, мама.

На минутку мама крепко прижала меня к себе, потом я пошла на посадку, а она уехала.

Четыре часа лету от Финикса до Сиэтла, еще час – на маленьком самолете до Порт-Анджелеса, потом час езды на машине до Форкса. Против перелетов я ничего не имела, зато перспектива провести час в машине с Чарли меня немного беспокоила.

Во всей этой ситуации Чарли проявил исключительное благородство. Он, похоже, по-настоящему обрадовался, что я приеду к нему на такой долгий срок. И уже записал меня в местную школу и даже собирался помочь обзавестись машиной.

И все-таки неловкости в присутствии Чарли было не избежать. Мы оба не особенно разговорчивы, к тому же я понятия не имела, о чем с ним говорить. Я знала, что мое решение здорово озадачило его: как и мама в свое время, я не скрывала, что терпеть не могу Форкс.

Когда самолет сел в Порт-Анджелесе, шел дождь. Я не увидела в этом плохой приметы,

а приняла как данность. С солнцем я уже распрощалась.

Чарли встретил меня на полицейской машине. Как и следовало ожидать. Для законопослушных жителей Форкса он – начальник полиции Свон. Я сразу решила не затягивать с покупкой собственного транспорта, даже несмотря на нехватку денег, чтобы не ездить по городу с красно-синей «мигалкой» на крыше. Полицейские машины ужасно затрудняют уличное движение.

Я неуклюже выбралась из самолета, и Чарли неловко обнял меня одной рукой.

– Рад видеть тебя, Беллз. – Он улыбнулся и машинально поддержал, когда я споткнулась и чуть не упала. – Ты почти не изменилась. А как Рене?

– У мамы все хорошо. Я тоже рада видеть тебя, папа, – мне не разрешалось звать его в глаза по имени.

Из багажа у меня было всего лишь несколько сумок. Большая часть одежды, которую я носила в Аризоне, не смогла бы защитить меня от вашингтонских дождей. Мы с мамой объединенными усилиями попытались пополнить мой зимний гардероб, но он все равно получился скромным и легко уместился в багажник патрульной машины.

– А я нашел неплохую машину, в самый раз для тебя, и совсем недорого, – объявил Чарли, пока мы пристегивали ремни.

– Какую? – Меня насторожил тон, которым он уточнил, что эта «неплохая машина» будет «в самый раз» для меня.

– Ну, вообще-то это пикап «шеви».

– Откуда он у тебя?

– Помнишь Билли Блэка из Ла-Пуша?

Ла-Пушем называлась крошечная индейская резервация на побережье.

– Нет.

– Раньше он рыбачил с нами летом, – напомнил Чарли.

Понятно, почему я забыла его: я старалась вытеснить из головы мучительные и ничемные воспоминания.

– Теперь он в инвалидном кресле, – продолжил Чарли, не дождавшись от меня ответа, – машину больше не водит, потому и предложил мне свой пикап.

– Какого года?

По лицу Чарли я поняла: он надеялся, что я не догадаюсь об этом спросить.

– Билли столько трудов угрохал на мотор, и машина совсем не старая...

Неужели Чарли думает, что я так легко сдамся? За кого он меня принимает?

– Когда он купил ее?

– Кажется, в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом.

– Новую?

– Вроде бы нет. Новой она была в начале шестидесятых. Или, самое раннее, в конце пятидесятых, – смущенно признался он.

– Чар... папа, в машинах я ничего не смыслю. Если она сломается, сама я починить ее не смогу, а автомастерская мне не по карману...

– Вот увидишь, Белла, эта штука отлично бежит. Теперь таких не делают.

Я мысленно отметила «штуку»: звучит многообещающе – почти как название.

– «Дешево» – это сколько?

В этом вопросе компромиссов быть не могло.

– Знаешь, милая, я вроде как уже купил ее тебе. В качестве подарка к приезду. – Чарли

бросил в мою сторону беглый взгляд, его лицо осветилось надеждой.

Ух ты, даром.

– Ну зачем ты, папа! Я собиралась купить машину на свои.

– Ничего, лишь бы тебе здесь понравилось, – не сводя глаз с дороги, ответил Чарли.

Выражать чувства он явно не привык. Я унаследовала от него эту стеснительность, поэтому произнесла, тоже не глядя на него:

– Как здорово, папа! Спасибо. Я очень благодарна тебе.

Добавлять, что в Форксе мне просто не может понравиться, не стоило – зачем разочаровывать Чарли? И, кроме того, я не собиралась смотреть дареному пикапу в зубы – или в мотор.

– Э-э... не за что, – пробормотал он, смущенный моей благодарностью.

Мы перекинулись парой замечаний о погоде, которая была сырой, а когда разговор иссяк, молча уставились в окна.

Да, здесь было красиво, спорить не стану. Сплошная зелень – обросшие мхом стволы, навес из густой листвы, папоротники под деревьями. Даже воздух, казалось, становился зеленым, проникая сквозь листья.

Слишком зелено, как на чужой планете.

Наконец Чарли привез меня домой. Он по-прежнему жил в маленьком доме с двумя спальнями, который купил вместе с моей мамой сразу после того, как они поженились. Единственная хорошая пора их семейной жизни – самое начало. На улице перед домом, который ничуть не изменился, стоял мой новый – точнее, новый только для меня – пикап: когда-то красный, а теперь выгоревший, с большими выпуклыми крыльями и округлой кабиной. К моему изумлению, он мне понравился. Хотя я и не знала, как ездит эта машина, я легко могла представить себя в ней. К тому же она оказалась одной из тех прочных железных тачек, которые просто невозможно «убить»: из столкновений с другими машинами они выходят без единой царапины, тогда как остальные участники происшествия превращаются в бесформенную кучу железа.

– Ого, пап! Она мне нравится! Спасибо!

Грядущий день уже не казался таким беспросветным. По крайней мере, мне не придется выбирать, что хуже – тащиться в школу под дождем на своих двоих или на полицейской машине с мигалкой.

– Вот и хорошо, что тебе понравилось, – пробормотал Чарли, снова смутившись.

Вещей было немного, и мы перенесли их наверх за один раз. Мне досталась западная спальня с окнами на улицу. Эта комната числилась за мной с самого рождения. Дощатый пол, голубые стены, высокий скошенный потолок, пожелтевшая тюль на окнах – все здесь напоминало о детстве. Когда я выросла, Чарли только заменил детскую кроватку и добавил к обстановке письменный стол. Теперь на нем стоял подержанный компьютер с проводом модема, прибитым скобками вдоль плинтуса. Такое условие поставила мама, чтобы нам было легче поддерживать связь. В углу по-прежнему находилось кресло-качалка времен моего младенчества.

На втором этаже только одна ванная, общая для меня и Чарли. Я решила, что как-нибудь сумею это пережить.

Чарли хорош тем, что не стоит над душой. Он деликатно оставил меня одну, чтобы я могла спокойно распаковать и разложить вещи, – от мамы этого не дождешься. Приятно хоть немного побыть одной, не улыбаться и не делать довольный вид, с отсутствующим видом

поглазеть в окно на дождевую пелену и ненадолго дать волю слезам. Рыдать я была пока что не в настроении. Приберегу слезы на потом, когда буду лежать в постели и задумаюсь о завтрашнем дне.

Средняя школа Форкса ужаснула общим количеством учеников – триста пятьдесят семь человек, вместе со мной – триста пятьдесят восемь; дома, в Финиксе, в одних только старших классах их насчитывалось более семисот. Все здешние школьники выросли вместе, их деды знали друг друга еще детьми. А я окажусь среди них новенькой из большого города – диковиной, чудачкой.

Может, будь я похожей на типичную девчонку из Финикса, это сыграло бы мне на руку. Но со своей внешностью я везде чувствую себя чужой. Как жаль, что я не загорелая спортивная блондинка – волейболистка или танцовщица из группы поддержки! В общем, я не соответствую представлению о жителях солнечной долины.

Да, кожа у меня очень светлая, несмотря на солнечный климат Аризоны, оттенка слоновой кости, но нет ни голубых глаз, ни рыжих волос, обычно прилагающихся к такой белизне. Я всегда была стройной, но не подтянутой, далеко не спортивного сложения; мне не доставало координации движений, чтобы заниматься спортом и не позориться при этом – и не подвергать опасности себя и тех, кто окажется поблизости.

Закончив раскладывать одежду в старом сосновом комод, я взяла сумку с туалетными принадлежностями и отправилась в нашу общую ванную приводить себя в порядок. Расчесывая спутанные влажные волосы, я разглядывала свое отражение в зеркале. Возможно, дело было в освещении, но лицо уже успело приобрести нездоровый желтоватый оттенок. При подходящем освещении моя кожа может выглядеть красиво, она очень чистая и словно полупрозрачная, но многое зависит от цвета лица. Здесь же у меня вообще нет никакого цвета.

Глядя на свое блеклое отражение в зеркале, мне пришлось признать, что я обманываю себя. Я чужая везде не просто потому, что выгляжу иначе. И если я не сумела прижиться в школе, где училось три тысячи человек, на что я могу рассчитывать здесь?

Я с трудом сходилась с ровесниками. А может, и с людьми в целом, вот и все. Даже с мамой, самым близким человеком во всем мире, мы так и не достигли согласия и полного взаимопонимания. Порой я гадала, действительно ли вижу своими глазами тот же самый мир, который видят все остальные. Может, у меня в мозгах глюк?

Но причина, в сущности, не главное. Важнее следствие. И завтрашний день будет лишь началом.

В ту ночь я никак не могла уснуть даже после того, как выплакалась. Несмолкающий шум ветра и стук дождя по крыше мешали погрузиться в блаженное забытие. Я с головой забралась под старое вылинявшее стеганое одеяло, потом накрыла голову подушкой. Но уснуть смогла лишь после полуночи, когда дождь наконец сменился бесшумной моросью.

Густой туман – вот что я увидела, выглянув утром в окно, и почувствовала, как во мне просыпается клаустрофобия. Здесь никогда не видно неба, и кажется, что ты в клетке.

Завтрак с Чарли прошел тихо и мирно. Он пожелал мне удачи в школе, я поблагодарила, зная, что его надежды напрасны: удаче свойственно избегать меня. Чарли первым уехал в полицейский участок, который заменял ему семью. После его ухода я уселась на один из трех разномастных стульев за старый дубовый кухонный стол и окинула взглядом тесную кухню с темными панелями стен, ярко-желтыми кухонными шкафами и белым линолеумом на полу.

Здесь все осталось, как раньше. Шкафы покрасила мама восемнадцать лет назад в надежде сделать дом хоть немного светлее. В соседней гостиной размером с носовой платок над маленьким камином на полке выстроились в ряд фотографии. Первая из них запечатлела Чарли и маму в день бракосочетания в Лас-Вегасе, на следующей мы уже втроем, в клинике, где я родилась, – услужливая медсестра держит меня на руках, далее – школьные снимки. Смотреть на них было неловко – надо бы уговорить Чарли убрать их, по крайней мере, на то время, пока я буду здесь жить.

Находясь в этом доме, было трудно избавиться от мысли, что Чарли так и не оправился после расставания с мамой. Это смущало меня.

Я не хотела появляться в школе слишком рано, но и дома мне не сиделось. Надев куртку, вроде той, что носят сотрудники биозащиты, я вышла под дождь.

Он моросил по-прежнему, слишком мелкий, чтобы сразу же промокнуть под ним. Я вынула ключ, который мы всегда прятали под карнизом у двери, и заперла замок. Хлюпанье новых непромокаемых ботинок раздражало, мне не доставало привычного хруста гравия под ногами. Не получилось даже остановиться и полюбоваться своим пикапом: я поторопилась укрыться от сырого тумана, который клубился вокруг головы и словно льнул к волосам, забираясь под капюшон.

В машине было сухо и хорошо. Видимо, Билли или Чарли вычистили кабину, но от бежевой обивки сидений по-прежнему слабо пахло табаком, бензином и мятной жвачкой. На мое счастье, двигатель завелся сразу, только очень шумно – пробудился к жизни, взревел и на полной громкости продолжал работать вхолостую. Ну что ж, должен же быть хоть один изъян у такой старой машины. Зато древнее радио работало, чего я никак не ожидала.

Школу я отыскала без труда, хотя никогда прежде в ней и не бывала. Как и многие другие здания, она располагалась чуть в стороне от шоссе. Догадаться по ее виду, что это школа, было непросто; только указатель «Средняя школа Форкса» заставил меня притормозить. Несколько одинаковых школьных корпусов из темно-красного кирпича. Деревья и кусты здесь росли так густо, что о размерах школьной территории можно было только гадать. А как же казенная атмосфера? На меня накатила ностальгия. Где забор из сетки и металлоискатели?

Я припарковалась перед первым зданием, на двери которого висела неприметная табличка «Администрация». Поблизости больше никто не ставил машины, и я догадалась, что это запрещено правилами, но все-таки решила узнать, как проехать к учебным корпусам вместо того, чтобы глупо нарезать круги под дождем. Нехотя выбравшись из уютной кабины, я зашагала по мощенной камнем дорожке между темных живых изгородей. Прежде чем открыть дверь, я сделала глубокий вдох.

Внутри горел яркий свет и было теплее, чем я рассчитывала. Помещение оказалось маленьким, в приемной со складными стульями и оранжевым в крапинку ковровым покрытием теснились на стенах объявления и грамоты, громко тикали большие часы. Повсюду стояли комнатные растения в больших пластмассовых кадках – неужели им мало зелени снаружи? Комнату делила пополам длинная стойка для бумаг, заставленная проволоочными лотками с яркими этикетками, приклеенными к лоткам спереди. За одним из трех столов, помещавшихся за стойкой, сидела крупная рыжеволосая женщина в очках. При виде ее лиловой футболки собственная одежда показалась мне неуместно нарядной.

Рыжая женщина подняла голову.

– Чем могу помочь?

– Я Изабелла Свон, – сообщила я, и глаза женщины мгновенно осветились узнаванием. Кто бы сомневался, что я стану предметом для сплетен? – еще бы, дочка этой ветреной особы, бывшей жены шефа полиции, наконец вернулась на родину.

– А, вот оно что, – отозвалась женщина, порылась в опасно накренившейся кипе бумаг на столе и наконец нашла то, что искала. – Здесь твое расписание и карта школы. – Она подошла к стойке и выложила на нее несколько листов.

Она перечислила мои предметы и классы, маркером разметила на карте маршруты и вручила мне карточку, в которой должен был расписаться каждый учитель. После уроков мне следовало принести ее обратно. Потом женщина улыбнулась и так же, как и Чарли, выразила надежду, что в Форксе мне понравится. Я постаралась улыбнуться как можно естественнее.

Когда я вернулась к своему пикапу, остальные ученики уже начали съезжаться. По территории школы я ехала, следуя разметке и с радостью отмечая, что машины здесь по большей части еще древнее моей, а роскошных и вовсе не попадает. Наш район в Финиксе был не самым богатым, однако новый «мерседес» или «порше» на школьной стоянке считались обычным явлением. Здесь же самым шикарным был серебристый «вольво», который сразу бросался в глаза. Но я все равно заглушила двигатель сразу же, как только нашла, где припарковаться, чтобы его громовой рев не привлекал внимания.

Сидя в пикапе, я изучила расположение корпусов, стараясь запомнить его: если повезет, мне не придется весь день разгуливать по территории школы, уткнувшись в карту. Потом я затолкала свои вещи в сумку, повесила ее через плечо и сделала глубокий вдох. Я справлюсь, неуверенно солгала я себе. Никто меня не укусит. Наконец я выдохнула и выбралась из машины.

Набросив капюшон и опустив голову, я зашагала по дорожке в толпе подростков. К счастью, в своей простой черной куртке я ничем не выделялась среди них.

Третий корпус я заметила сразу же, как только обогнула здание школьного кафетерия: большая черная цифра «три» была нарисована на белой табличке с восточной стороны. С приближением к двери мое дыхание настолько участилось, что я очутилась на грани гипервентиляции. Я попыталась задержать дыхание и вошла в дверь следом за двумя дождевиками-унисекс.

Класс оказался маленьким. Хозяева дождевиков остановились у двери и повесили их на крючки в длинном ряду. Я сделала то же самое. Оказалось, я шла за девушками; одна – блондинка с фарфоровой кожей, вторая – тоже бледная, с русыми волосами. По крайней мере, цветом кожи я не буду выделяться.

Я отдала свою карточку учителю – рослому лысеющему мужчине, сидевшему за столом с табличкой «Мистер Мейсон». Увидев мою фамилию, он вытаращился, и конечно, от этой мало чем ободряющей реакции я густо покраснела. К счастью, он отправил меня на заднюю парту, не удосужившись представить классу. Глазеть на меня, сидящую сзади, моим новым одноклассникам было непросто, но они все же ухитрились. Я не поднимала глаз от списка литературы, который вручил мне учитель. Список был стандартным: Бронте, Шекспир, Чосер, Фолкнер. Все это я уже читала. Приятно и... скучно. Я задумалась: придет ли мама мою старую папку с сочинениями или сочтет, что так нечестно? Мысленно я заспорила с ней, пытаюсь переубедить, а учитель тем временем бубнил свое.

Прозвучал гнусавый звонок, и нескладный парень в прыщах, с жирными черными волосами наклонился через проход между партами, чтобы поболтать со мной.

– Ты Изабелла Свон, верно?

С виду он казался чрезмерно услужливым, как подсказчик из шахматного клуба.

– Белла, – поправила я. Все сидящие в радиусе трех парт от меня разом обернулись.

– Где у тебя следующий урок? – спросил он.

Мне пришлось искать в сумке расписание и сверяться с ним.

– В шестом корпусе, политология у Джефферсона.

Повсюду, куда ни повернись, я сталкивалась с любопытными взглядами.

– Я иду в четвертый корпус, но могу показать тебе дорогу... – Не просто услужлив, а навязчив. – Эрик, – представился он.

Я нерешительно улыбнулась.

– Спасибо.

Надев куртки, мы вышли под дождь, который припустил сильнее.

– Ну как, большая разница с Финиксом? – спросил Эрик.

– Очень.

Идущие за нами чуть не наступали нам на пятки. Я была готова поклясться, что они ловят каждое слово. Только паранойи мне не хватало.

– Там ведь редко идут дожди?

– Три-четыре раза в год.

– Ого! а в остальное время?

– Солнечно, – ответила я.

– Что-то ты не выглядишь загорелой.

– У меня мама – наполовину альбинос.

Он настороженно взгляделся в мое лицо, и я вздохнула. Похоже, с дождевыми тучами чувство юмора несовместимо. Еще несколько месяцев – и я отучусь от сарказма.

Мы обогнули кафетерий и направились к южным корпусам возле спортзала. Эрик проводил меня до самой двери, хотя номер корпуса был виден издалека.

– Ну, удачи тебе, – пожелал он, когда я взялась за дверную ручку. – Может, на других уроках еще встретимся, – с надеждой в голосе добавил он.

Я неопределенно улыбнулась и вошла в здание.

Остаток утра прошел примерно так же. Учитель тригонометрии мистер Варнер, которого я в любом случае возненавидела бы за его предмет, стал единственным, кто велел мне выйти к доске и представиться классу. Я заикалась и краснела, а по пути к своему месту запнулась за собственный ботинок.

За два урока я запомнила несколько лиц в каждом классе. Всякий раз находился кто-нибудь посмелее остальных – называл свое имя, спрашивал, нравится ли мне Форкс. Я старалась проявлять дипломатичность, а чаще просто врала. Зато карта мне ни разу не понадобилась.

Одна девушка сидела со мной и на тригонометрии, и на испанском, а потом мы вместе отправились обедать в кафетерий. Она была худенькой и невысокой, на несколько сантиметров ниже моих ста шестидесяти трех сантиметров, но из-за темной шапки буйных кудрей разница в росте почти не чувствовалась. Я не запомнила ее имени, поэтому только улыбалась и кивала в ответ на болтовню об учителях и уроках. В смысл слов я не вникала.

Мы устроились в конце длинного стола вместе с ее подругами, которых она тут же познакомила со мной. Имена я забыла сразу же, как только услышала их. Девушки явно восхищались своей подругой, которая отважилась заговорить со мной. С другого конца зала мне махал парень с английского, Эрик.

Вот там-то, в кафетерии, пытаюсь поддерживать разговор с семью любопытными незнакомками, я и увидела их впервые.

Они сидели в углу кафетерия – в самом дальнем от меня, противоположном углу длинного зала. Их было пятеро. Они не разговаривали и не ели, хотя перед каждым стоял поднос с нетронутой едой. В отличие от большинства других учеников, они не глазели на меня, поэтому на них можно было смотреть, не опасаясь столкнуться взглядом с заинтересованной парой глаз. Но вовсе не то, что я перечислила, привлекло и задержало мое внимание.

Между ними не наблюдалось ни малейшего сходства. Из трех парней один – здоровенный и мускулистый, как штангист-профессионал, с темными кудрявыми волосами. Второй – выше ростом, тоньше, но с развитой мускулатурой, медовый блондин. А третий – не такой крепкий, но высокий, с растрепанными волосами оттенка бронзы. В нем было больше мальчишеского, чем в остальных, которые походили скорее на студентов или учителей, чем на школьников.

Девушки были полной противоположностью друг другу. Высокая отличалась скульптурной стройностью. У нее была прекрасная фигура вроде тех, которые красуются в купальниках на обложке «Спорт иллюстрейтед» и больно бьют по самооценке любой девушки, случайно оказавшейся в той же комнате. Ее золотистые волосы мягкими волнами ниспадали до пояса. Вторая девушка была похожа на эльфа – невысокая, донельзя худенькая, с мелкими чертами лица. Ее иссиня-черные коротко подстриженные волосы торчали во все стороны, как иголки.

И все-таки кое-что их объединяло. Их лица были белыми, как мел, бледнее, чем у любого школьника в этом городе, не знающем солнца. Бледнее, чем у меня, альбиноски. Цвет волос у них был разный, а цвет глаз – одинаковым, почти черным. И густые тени под глазами, темные с лиловым оттенком – как после бессонной ночи или перелома носа. Однако их носы, как и остальные черты лица, были прямыми, четкими, совершенными.

Но не поэтому я смотрела на них, не в силах оторвать взгляд.

Я уставилась на них в упор потому, что их лица, такие разные и такие похожие, были невероятно, нечеловечески прекрасны. Такие лица можно встретить разве что на тщательно отретушированных снимках в журнале мод. Или на картине какого-нибудь старого мастера, изображающей ангела. Трудно было сказать, кто из них красивее – возможно, безупречная блондинка или парень с бронзовой шевелюрой.

Они ни на кого не смотрели – ни в своей компании, ни на других учеников, вообще ни на что не смотрели, насколько я могла судить. На моих глазах невысокая девушка встала, взяла свой поднос с неоткрытой газировкой и нетронутым яблоком и направилась к выходу свободным легким шагом танцовщицы, словно шла по подиуму. Пораженная ее грацией, я смотрела, как она выбросила свой поднос в мусорный бак и с ошеломляющей скоростью выскользнула в коридор. Я перевела взгляд на остальных, по-прежнему сидевших на месте.

– Кто это? – спросила я девушку, имя которой забыла, но помнила, что сидела с ней на испанском.

Она обернулась посмотреть, о ком я говорю, хотя, вероятно, уже догадалась по моему голосу, и вдруг ей ответил взглядом он – самый хрупкий, больше остальных похожий на мальчишку и, наверное, самый младший из них. Долю секунды он смотрел на мою соседку, а потом метнул взгляд темных глаз на меня.

Он отвел его сразу же, гораздо быстрее, чем я, хотя в приливе смущения я моментально

потупилась. Этот краткий, как вспышка, взгляд, был совершенно равнодушным, словно моя соседка произнесла его имя, а он машинально отреагировал.

Она смущенно захихикала и тоже уставилась в стол.

– Это Каллены – Эдвард и Эмметт, рядом с ними – Розали и Джаспер Хейл. А та, что ушла, – Элис Каллен. Они живут вместе, у доктора Каллена и его жены, – шепотом объяснила она.

Я мельком взглянула на красавца, который теперь сидел, уставившись в свой поднос, и длинными бледными пальцами расщипывал на кусочки бублик. Его подбородок быстро двигался, но идеально очерченные губы оставались сомкнутыми. Остальные трое по-прежнему не смотрели на него, но мне казалось, он что-то тихо говорил им.

Странные, редкие у них имена, думала я. Слишком старомодные, сейчас так не называют. А может, здесь, в маленьком городке, такие имена – обычное дело? Только теперь я наконец вспомнила, что мою соседку зовут Джессикой. Обычное имя. Дома в Финиксе у нас на уроках истории было сразу две Джессики.

– Они... очень симпатичные, – это явное преуменьшение далось мне с трудом.

– Точно! – снова захихикав, согласилась Джессика. – Вот только они все время вместе – то есть Эмметт и Розали, Джаспер и Элис. И живут вместе.

Я с неудовольствием отметила, что в ее словах нашли отражение удивление и осуждение, с которыми относились к этой семье все жители городка. Но если уж говорить начистоту, о таких отношениях ходили бы сплетни даже в Финиксе.

– Кто из них Каллены? – спросила я. – На родственников они не похожи.

– А они и не родственники. Доктор Каллен еще молодой, ему под тридцать или чуть больше. Все его дети – приемные. Хейлы, блондины, – близнецы, брат с сестрой, они временно воспитываются в семье доктора.

– Для воспитанников они выглядят слишком взрослыми.

– Сейчас – да, Джасперу и Розали уже восемнадцать, но с миссис Каллен они живут с тех пор, как им исполнилось восемь лет. Она приходится им теткой – кажется, так.

– Наверное, они очень хорошие люди, раз взяли на себя заботу об этих детях, хотя сами еще совсем молодые.

– Наверное, – нехотя признала Джессика, и у меня сложилось впечатление, что доктор с женой ей чем-то неприятны. Судя по взглядам, которые она бросала на их приемных детей, я предположила, что причиной тому – зависть.

– Я слышала, миссис Каллен не может иметь детей, – добавила она, словно это умаляло поступок супругов.

Пока мы болтали, я то и дело бросала взгляд в сторону стола, за которым сидело это странное семейство. Все четверо по-прежнему смотрели куда-то в стену и ничего не ели.

– Они всегда жили в Форт-Коксе? – спросила я, подумав, что обязательно обратила бы на них внимание, приезжая на лето.

– Нет, что ты! – судя по голосу, Джессика считала, что это должно быть ясно даже мне, недавно приехавшей в город. – Они всего два года как переселились сюда откуда-то с Аляски.

На меня накатили и досада, и облегчение. Досада оттого, что, несмотря на всю красоту, они чужие и явно не признанные здесь. А облегчение – потому что я не единственная вновь прибывшая и, уж конечно, по любым меркам не самая примечательная.

Пока я разглядывала их, младший из Калленов вдруг поднял голову и встретился со мной взглядом, и на этот раз на его лице отразилось явное любопытство. Я поспешно отвела глаза,

но мне показалось, что в его взгляде мелькнуло что-то вроде несбывшейся надежды.

– Тот рыжеватый парень – кто он? – спросила я. Краем глаза я продолжала наблюдать за ним, а он – за мной, но он не глазел с неприкрытым любопытством, как остальные ученики сегодня, а казался слегка разочарованным. Я снова потупилась.

– Это Эдвард. Он, конечно, потрясный, но лучше не трать на него время. Он ни с кем не встречается. Видно, считает, что никто из симпатичных девчонок здесь ему не пара, – и она фыркнула, явно притворяясь, что ей все равно. Интересно, давно ли он ее отшил.

Я прикусила губу, пряча улыбку, потом снова взглянула на Эдварда. Он сидел, почти отвернувшись, но мне показалось, что его щека слегка приподнялась, словно он улыбался.

Еще несколько минут – и все четверо встали из-за стола. Они двигались с удивительной грацией, даже самый крупный и рослый парень. От этого зрелища становилось немного не по себе. Тот, кого звали Эдвардом, больше ни разу на меня не взглянул.

С Джессикой и ее подругами я просидела в кафетерии гораздо дольше, чем если бы обедала одна, и теперь беспокоилась, как бы в первый же день не опоздать на урок. У одной из моих новых знакомых, которая предусмотрительно напомнила, что ее зовут Анджела, следующим уроком тоже была биология. Всю дорогу до класса мы прошли молча, Анджела тоже страдала застенчивостью.

В классе она села за лабораторный стол с черной столешницей, в точности такой, какие я видела в своей бывшей школе. У Анджелы уже была соседка. Занятыми оказались все места, кроме одного – в среднем ряду, рядом с Эдвардом Калленом.

Направляясь по проходу между столами, чтобы назвать учителю свою фамилию и подать карточку на подпись, я украдкой посмотрела на Эдварда. Когда я проходила мимо, он вдруг словно окаменел на своем месте, потом снова уставился на меня, а когда наши взгляды встретились, на его лице застыло совершенно неожиданное выражение – яростное и враждебное. Потрясенная, я быстро отвернулась и снова густо покраснела. В проходе я ненароком задела какую-то книгу, и мне пришлось схватиться за край стола. Сидящая за ним девчонка прыснула.

Я заметила, что у Эдварда черные глаза – черные, как уголь.

Мистер Баннер расписался в моей карточке и выдал учебник, не устраивая цирк с представлением всему классу. Я сразу поняла, что мы с ним поладим. Само собой, ему не оставалось ничего другого, кроме как отправить меня на единственное свободное место в центре класса. Не поднимая глаз, ошарашенная враждебным взглядом, я подошла, чтобы сесть рядом с Эдвардом.

Не глядя на него, я положила учебник на стол и заняла свое место, но успела все же заметить, что мой сосед сменил позу. Он отклонился от меня, отодвинулся на самый край своего стула и отвернулся, словно учуял вонь. Я незаметно понюхала собственные волосы – от них пахло клубникой, аромат моего любимого шампуня. Вроде безобидный запах. Я наклонила голову так, чтобы волосы свесились с моего правого плеча, как темная штора, разделяющая нас, и попыталась вслушаться в слова учителя.

Увы, урок был посвящен строению клетки, а я его уже проходила. Но я все равно старательно записывала, не поднимая глаз.

Время от времени я, не удержавшись, поглядывала сквозь волосы на своего странного соседа. За весь урок он так и не сменил неудобную позу на краешке стула, находясь на максимальном расстоянии от меня. Я видела его кулак, сжатый на левом колене, жилы, проступившие под бледной кожей. Пальцы он так и не разжал. Длинные рукава его белой

рубашки были закатаны до локтей, предплечье выглядело на удивление крепким, под светлой кожей просматривались мышцы. Слабаком он казался лишь в сравнении со своим крупным братом.

Этот урок, казалось, тянулся дольше остальных. Может, потому что день наконец близился к концу? Или потому, что я ждала, когда разожмется стиснутый кулак Эдварда? Так и не дождалась, а сидел он настолько неподвижно, словно и не дышал. Что с ним? Неужели он всегда такой? Я пожалела, что мысленно осудила Джессику за явную неприязнь к нему. Может, она не настолько злопамятна, как мне показалось.

Не верится, что дело во мне, ведь Эдвард увидел меня сегодня впервые.

Я взглянула на него украдкой еще раз и тут же пожалела об этом. Он вновь пристально уставился на меня черными, полными отвращения глазами. Я отшатнулась, вжалась в свой стул, и в голове у меня вдруг мелькнуло выражение «убийственный взгляд».

В этот момент грянул звонок – с такой силой, что я вздрогнула. Эдвард Каллен быстро и плавно поднялся с места, повернулся ко мне спиной и выскочил за дверь прежде, чем остальные успели встать. Я только успела отметить, что он гораздо выше ростом, чем мне показалось вначале.

Словно примерзнув к стулу, я беспомощно смотрела ему вслед. Столько злобы – за что? Я начала вяло собирать вещи, сдерживая наполняющий меня гнев и подступающие слезы. Почему-то мои вспышки гнева действуют непосредственно на слезные протоки. Обычно я плачу, когда злюсь, – унижительное свойство.

– Это ты – Изабелла Свон? – раздался мужской голос.

Обернувшись, я увидела симпатичного парня с детским лицом и очень светлыми волосами, тщательно уложенными с помощью геля в виде аккуратных шипов. Он дружески улыбался и явно не считал, что от меня неприятно пахнет.

– Белла, – с улыбкой поправила я.

– А я Майк.

– Привет, Майк.

– Помочь тебе найти следующий класс?

– Вообще-то я в спортзал. Думаю, не заблужусь.

– Мне туда же. – Он обрадовался так, словно в этой маленькой школе такие совпадения были чем-то из ряда вон выходящим.

Мы отправились на урок вместе. Майк оказался болтуном – почти все время говорил он один, и это меня вполне устраивало. До десяти лет он жил в Калифорнии, поэтому хорошо понимал, как я должна скучать по солнцу. Выяснилось, что и на английском мы в одной группе. Из всех, с кем я познакомилась в этот день, он оказался самым славным.

Но перед тем, как мы вошли в спортзал, он спросил:

– Ты что, ткнула Эдварда Каллена ручкой? Никогда не видел его таким.

Меня передернуло. Значит, не только я это заметила. И, видимо, Эдвард Каллен обычно ведет себя иначе. Я сделала вид, что не понимаю его.

– Ты про парня, с которым я сидела на биологии? – наивным тоном уточнила я.

– Его самого, – подтвердил он. – У него как будто что-то разболелось.

– Не знаю, – ответила я. – Мы с ним не разговаривали.

– Вот чудной. – Майк топтался рядом вместо того, чтобы идти в раздевалку. – Если бы мне повезло сесть за твой стол, я бы с тобой обязательно поговорил.

Улыбнувшись ему, я ушла в женскую раздевалку. Майк держался дружески, я наверняка

понравилась ему. Но этого было слишком мало, чтобы развеять мою досаду.

Учитель физкультуры, тренер Клапп, нашел для меня спортивную форму, но настаивать на том, чтобы я переделалась, не стал. В Финиксе на физкультуру в старших классах надо было ходить только два года. А здесь она была обязательной все четыре. Форкс оказался в буквальном смысле слова моим персональным адом.

Я смотрела четыре волейбольных партии одновременно и вспоминала, сколько травм получила и причинила, играя в волейбол. Меня подташнивало.

Наконец прозвенел звонок с последнего урока. Я нехотя побрела в административный корпус, отнести карточку. Дождевые тучи рассеялись, но налетел сильный пронизывающий ветер. Стало холодно, я обхватила себя руками.

Однако войдя в теплую приемную, я едва удержалась, чтобы не выбежать снова на улицу.

Прямо передо мной, у стойки, стоял Эдвард Каллен. Я сразу узнала его по растрепанным бронзовым волосам. Видимо, он не слышал, как я вошла. Вжимаясь спиной в стену, я ждала, когда секретарь освободится.

Низким чарующим тоном Эдвард что-то доказывал ей. Суть разговора я уловила сразу: он просил перенести биологию в его расписании с шестого урока на какое-нибудь другое время, какое угодно.

Мне по-прежнему не верилось, что это из-за меня. Должна быть и другая причина, что-то должно было случиться еще до того, как я вошла в кабинет биологии. Выражение его лица наверняка объяснялось чем-то иным. Не может быть, чтобы незнакомый человек внезапно вспылал ко мне такой острой неприязнью.

Дверь снова открылась, холодный ветер ворвался в приемную, зашелестел бумагами на столе, спутал мне волосы. Вошедшая девушка молча приблизилась к столу, положила какую-то бумагу в проволочный лоток и снова вышла. Но спина Эдварда Каллена словно окаменела, он медленно обернулся и снова впился в меня пронзительным, полным ненависти взглядом. На миг я ощутила неподдельный ужас, от которого волоски у меня на руках встали дыбом. Этот взгляд длился всего секунду, но выморозил похлеще ледяного ветра. Эдвард снова повернулся к секретарю.

— Ну ладно, — поспешно произнес он бархатистым тоном. — Нельзя так нельзя. Большое спасибо вам за помощь. — Он резко развернулся и скрылся за дверью, не удостоив меня взглядом.

Мгновенно побледнев, я робко приблизилась к стойке и протянула свою карточку с подписями.

— Как прошел твой первый день, милочка? — по-матерински заботливо спросила секретарь.

— Прекрасно, — едва слышно соврала я. Похоже, она мне не поверила.

Мой пикап остался чуть ли не последней машиной на опустевшей стоянке. Я бросилась к нему, как к надежному убежищу, единственному подобию дома, какое только есть у меня в этой сырой зеленой дыре. Некоторое время я просто сидела в машине, уставившись невидящим взглядом в ветровое стекло. Но вскоре замерзла, поняла, что пора включить печку, повернула ключ, и двигатель взревел. Всю дорогу до дома Чарли я глотала слезы.

Глава 2

Открытая книга

Следующий день был лучше... и хуже.

Лучше потому, что дождь еще не начался, хотя в небе сгустились темные тучи. А также потому, что я уже знала, чего ожидать. На английском со мной сел Майк, он же проводил меня на следующий урок под негодующим взглядом Эрика-шахматиста, и это было лестно. На уроках на меня уже не глазели так, как вчера. Обедала я в большой и шумной компании – вместе с Майком, Эриком, Джессикой и другими ребятами, которых знала по имени и в лицо. Казалось, я уже не иду ко дну, пуская пузыри, а ухитрюсь держаться на плаву.

Вместе с тем день прошел хуже первого из-за усталости: я все еще не научилась засыпать под завывания ветра вокруг дома. А еще потому, что мистер Варнер задал мне вопрос на тригонометрии, и я ошиблась в ответе. Совсем плохо стало, когда пришлось играть в волейбол: один раз я не сумела увернуться от перепасованного мяча и залепила им в голову игроку своей команды. И самое ужасное: Эдвард Каллен вообще не появлялся в школе.

Все утро я со страхом ждала обеда и странных взглядов Эдварда. И в то же время мне хотелось вызвать его на разговор и потребовать объяснений. Лежа в постели без сна, я даже представляла себе, что и как скажу. Но я слишком хорошо знала себя и понимала, что мне не хватит духу заговорить с ним. Трусливый Лев в сравнении со мной – Терминатор.

Но когда я вошла в школьный кафетерий вместе с Джессикой, безуспешно стараясь не высматривать Эдварда, я увидела, что его странная семейка сидит на прежнем месте, а самого Эдварда нет.

Майк перехватил нас на полпути и повел к своему столику. Этот знак внимания открылил Джессику, вскоре к нам присоединились ее подруги. Я пыталась вслушаться в их беспечную болтовню, но чувствовала себя страшно неловко и с тревогой ждала, когда наконец появится Эдвард. Если повезет, он просто не обратит на меня внимания, и тогда станет ясно, что я ошиблась в своих предположениях.

Он не появлялся, время шло, мои нервы натягивались все туже.

До конца обеденного перерыва он так и не появился, и я отправилась на биологию, чувствуя прилив уверенности в себе. Майк, разглагольствующий о достоинствах золотистых ретриверов, преданно сопровождал меня в класс. У двери я затаила дыхание, но Эдварда Каллена не было и в классе. С облегчением вздохнув, я прошла к своему месту. Майкл следовал за мной по пятам, рассказывая о предстоящей поездке на побережье. У моего стола он задержался до самого звонка, а потом грустно улыбнулся и отправился на свое место, за стол к девушке с брекетами и неудачной завивкой. Похоже, с Майком придется выяснять отношения, нужно подготовиться. В маленьком городке, где все всё про всех знают, без дипломатии никуда. А мне всегда недоставало тактичности, да и нет у меня опыта общения с чрезмерно дружелюбными парнями.

Хорошо, что Эдвард сегодня отсутствует, и весь стол в моем распоряжении. Я то и дело напоминала себе об этом, но не могла избавиться от назойливых подозрений, что причина отсутствия Эдварда – я. Но это ведь нелепо и самонадеянно – считать, что я способна настолько сильно повлиять на другого человека. Этого не может быть. Я понимала это, но все-таки опасалась, что мои догадки верны.

Когда уроки наконец закончились, а мои щеки перестали гореть после случая на волейболе, я поспешила снова переодеться в джинсы и темно-синий свитер и вылетела из женской раздевалки, с радостью обнаружив, что сумела на этот раз улизнуть от нового друга с его ретриверами. Быстрым шагом я достигла парковки, которая буквально кишела разъезжающимися учениками. В машине я заглянула в сумку, проверяя, не забыла ли что-нибудь.

Прошлым вечером выяснилось, что вершина кулинарного искусства для Чарли – яичница с беконом, после чего я заявила, что наряд по кухне на все время своего пребывания беру на себя. Чарли был только рад поручить наши банкеты моим заботам. А я обнаружила, что запасов еды в доме нет. Поэтому составила список покупок, взяла деньги из стоящей в буфете банки с наклейкой «На еду» и теперь собиралась заехать в супермаркет «Трифтуэй».

Я завела машину, разбудив громогласный двигатель и стараясь не замечать, сколько людей обернулось в мою сторону, и задним ходом осторожно заняла место в длинной веренице машин, ждущих своей очереди, чтобы выехать со стоянки. Пока я ждала, делая вид, что оглушительный рев издает вовсе не мой пикап, я увидела, как двое Калленов и близнецы Хейл садятся в свою машину – тот самый блестящий новый «вольво». Само собой. До сих пор я, загипнотизированная их лицами, не замечала, как они одеты. Но теперь мне стало ясно, что на редкость хорошо: их обманчиво простые неброские вещи явно из какой-то дизайнерской коллекции. Хотя с такой привлекательной внешностью и умением держаться им были бы к лицу и старые кухонные полотенца. Везет же некоторым! – и внешность тебе, и деньги. Собственно, в жизни чаще всего так и бывает. Вот только почему-то ни то, ни другое не обеспечило им теплого приема в Форксе.

Нет, в это мне все-таки не верилось. Скорее, им самим нравилось жить в своем тесном кругу: по-моему, перед такой красотой должны открываться любые двери.

Как и все остальные, эти четверо тоже посмотрели на мой грохочущий пикап, когда я проезжала мимо. Я старательно вглядывалась вперед и, выехав со школьной территории, наконец вздохнула с облегчением.

От школы до «Трифтуэя» было недалеко, всего несколько улиц к югу от шоссе. Очутиться в супермаркете было приятно, как в любом хорошо знакомом месте. Я и в Финиксе закупала продукты и теперь с радостью вернулась к привычным обязанностям. Супермаркет оказался достаточно просторным, шум дождя здесь был не слышен, ничто не напоминало мне, что я не в Финиксе.

Вернувшись домой, я выгрузила покупки и разложила их по всем шкафам, где нашлось свободное место. Надеюсь, Чарли не станет возражать. В духовку я поставила завернутую в фольгу картошку, в холодильник поверх картонки с яйцами пристроила залитый маринадом стейк.

Покончив с кухонными делами, я отнесла сумку с учебниками наверх, переоделась в сухой спортивный костюм, собрала влажные волосы в хвост и, прежде чем взяться за уроки, впервые за все время проверила электронную почту. Во «Входящих» я обнаружила три письма.

«Белла, – писала мама, – сообщи мне, как только приедешь. Как долетела? Дождь идет? Я уже соскучилась по тебе. Во Флориду почти уже собралась, только никак не могу найти свою розовую блузку. Ты не знаешь, где она? Фил передает тебе привет. Мама».

Я вздохнула и открыла следующее письмо, пришедшее через восемь часов после первого.

«Белла, от тебя до сих пор нет письма – почему тянешь с ответом? Мама».

Последнее письмо пришло сегодня утром.

«Изабелла, если не ответишь до половины шестого, я сегодня же позвоню Чарли».

Я взглянула на часы: у меня оставался еще час, но я хорошо знала маму. Ей всегда не хватало терпения.

«Мама, успокойся! Я как раз тебе пишу. Не торопи меня. Белла».

Отправив это письмо, я начала новое:

«Мама, все замечательно. Конечно, здесь дождь. Я просто ждала, когда будет о чем написать. В школе ничего, только немного нудно. Познакомилась кое с кем, мы вместе ходим обедать.

Твоя блузка в химчистке, надо было забрать ее в пятницу.

Чарли купил мне пикап, представляешь? Мне так нравится. Старый, но крепкий – ты же знаешь, для меня это важно.

Я тоже по тебе скучаю. Скоро напишу еще, но проверять почту каждые пять минут не буду. Успокойся и не волнуйся. Люблю, целую, Белла».

«Грозовой перевал», который мы как раз проходили по английской литературе, я решила перечитать на этот раз ради развлечения и читала его, пока не вернулся Чарли. А я и не заметила, как пролетело время. Я заторопилась вниз, доставать из духовки картошку и выкладывать на сковородку стейк.

– Белла? – спросил отец, услышав мои шаги на лестнице.

«А кто же еще?» – мысленно ответила я.

– Да, папа. С возвращением.

– Спасибо.

Пока я суежилась на кухне, Чарли повесил ремень с кобурой и разулся. Насколько мне было известно, по службе ему еще ни разу не приходилось стрелять, но оружие он всегда держал наготове. Когда я приезжала к нему в детстве, он разряжал пистолет сразу же, как только входил в дом. Наверное, теперь он считал, что я не настолько мала, чтобы случайно застрелиться, и не так угнетена депрессией, чтобы намеренно покончить с собой.

– Что на ужин? – настороженно спросил Чарли.

Мама подходит к готовке творчески, но результаты ее кулинарных опытов порой оказываются несъедобными. Я удивилась и расстроилась, обнаружив, что Чарли до сих пор об этом помнит.

– Стейк с картошкой, – ответила я, и на его лице отразилось облегчение.

Наверное, ему было неловко бездельничать, стоя на кухне, и он в ожидании ужина переместился в гостиную, смотреть телевизор. Это устраивало нас обоих. Пока жарились стейки, я нарезала салат и накрыла на стол.

Ужин был готов, я позвала Чарли. Войдя в кухню, он довольно принюхался.

– Пахнет вкусно, Белл.

– Спасибо.

Пауза затянулась на несколько минут, но неловкости не вызвала. Молчание нас не напрягало. В каком-то смысле мы были буквально созданы, чтобы жить под одной крышей.

– Как тебе школа? Подружилась с кем-нибудь? – поинтересовался Чарли, попросив добавки.

– Ну, несколько уроков у меня в одном классе с Джессикой. Я обедаю с ней и ее подругами. Есть еще один мальчик, Майк, он очень хорошо ко мне относится. И все

остальные тоже.

С одним примечательным исключением.

– Это, наверное, Майк Ньютон. Славный малый из хорошей семьи. У его отца магазин спорттоваров в пригороде. Неплохо зарабатывает за счет заезжих туристов.

– А Калленов ты знаешь? – нерешительно спросила я.

– Семейю доктора Каллена? Конечно. Доктор – молодчина.

– Знаешь, его дети... они не как все. По-моему, они не вписываются в школьную компанию.

Чарли удивил меня, сердито нахмурившись.

– Ох уж эти местные, – буркнул он. – Доктор Каллен – прекрасный хирург, он мог бы работать в любой больнице мира и зарабатывать в десять раз больше, чем здесь, – продолжал он уже громче. – Повезло нам с ним – повезло, что его жена согласилась поселиться в маленьком городке. Для местного общества он настоящая находка, все его дети хорошо воспитаны и вежливы. У меня были на их счет сомнения, когда они только переехали – я думал, с такой компанией усыновленных подростков мы проблем не оберемся. Но они ведут себя как порядочные и ответственные люди, ни к одному из них у меня нет абсолютно никаких претензий. В отличие от детей некоторых местных, которые живут здесь из поколения в поколение! Вдобавок Каллены держатся все вместе, как и полагается семье, каждые выходные выбирают на природу... Но в городе они недавно, вот про них и болтают.

Я в первый раз услышала от Чарли такую длинную речь. Наверное, он слишком близко к сердцу принял сплетни о Калленах.

Я поспешила поправиться:

– Они показались мне неплохими людьми. Просто держатся особняком. Зато очень красивые, – тут же добавила я, чтобы не расстраивать Чарли.

– Видела бы ты доктора! – засмеялся Чарли. – В его присутствии медсестрам не до работы. К счастью, он обожает свою жену.

Мы закончили ужин в молчании. Чарли убрал со стола, я занялась посудой. Он вернулся к телевизору, а я помыла посуду – посудомоечной машины в хозяйстве Чарли не оказалось – и нехотя направились наверх, делать математику. Видимо, так и закладываются традиции.

Той ночью дождь наконец утих, и от усталости я быстро уснула.

Остаток недели событиями не баловал. Я привыкла к расписанию, к пятнице научилась узнавать если не по имени, то хотя бы в лицо почти всех учеников школы. В спортзале ребята из моей команды усвоили, что мячи мне лучше не пасовать, а если противник пытался воспользоваться моей слабостью, быстро заслоняли меня. А я старалась не путаться у остальных под ногами.

Эдвард Каллен в школе не появлялся.

Каждый день я не находила себе места, пока Каллены не приходили в кафетерий без него. Только после этого я успокаивалась и присоединялась к общей беседе за столом. В основном обсуждали поездку в зону отдыха «Ла-Пуш Оушен-парк», которую затеял Майк. Она должна была состояться через две недели. Меня тоже пригласили, и я согласилась – скорее из вежливости. Побережью океана положено быть жарким и сухим.

К пятнице я привыкла входить в кабинет биологии, не опасаясь увидеть там Эдварда. Откуда мне знать? – может, он вообще бросил школу. Я старалась не думать о нем, но не могла отделаться от мысли, что в его продолжительном отсутствии виновата я, как бы нелепо это ни звучало.

Мои первые выходные в Форксе прошли без приключений. Чарли еще не привык к тому, что он теперь живет не один, и почти все время пропадал на работе. Я навела в доме порядок, разделалась с домашними заданиями, написала маме еще одно притворно-жизнерадостное письмо. В субботу съездила в местную библиотеку, но выбор книг оказался таким скудным, что я не стала даже записываться; придется наметить на ближайшее время поездку в Олимпию или Сиэтл и поискать там хороший книжный магазин. Мимоходом прикинув, сколько бензина сжигает мой пикап на километр пути, я содрогнулась.

Все выходные дождь был несильным, почти бесшумным, и я сумела как следует выспаться.

В понедельник утром на стоянке со мной поздоровались сразу несколько человек. Я не знала их имен, но каждому махала в ответ и улыбалась. Этим утром похолодало, но, к счастью, дождя не было. На английском Майк, как обычно, сидел со мной. Нам неожиданно устроили контрольную по «Грозовому перевалу» – без подвохов, совсем легкую.

В общем, я освоилась на новом месте гораздо быстрее, чем рассчитывала. И чувствовала себя комфортнее, чем ожидала.

Когда мы вышли после урока, в воздухе кружились белые снежинки. Звучали оживленные голоса учеников. Ветер леденил щеки и нос.

– Ух ты, снег! – воскликнул Майк.

Мелкие белые хлопья беспорядочно лезли мне в лицо, скапливались на обочинах дорожки.

– Ой.

Снег. Вот тебе и хороший день.

Майк удивился.

– Неужели ты не любишь снег?

– Не люблю. Он означает, что для дождя уже слишком холодно.

Еще бы.

– И потом: я думала, ему полагается падать отдельными снежинками – ну, знаешь, каждая из которых неповторима, и все такое. А эти хлопья похожи на наконечники ватных палочек.

– Ты что, никогда раньше не видела снегопада? – не поверил своим ушам Майк.

– Видела, конечно. – Я сделала паузу. – По телевизору.

Майк рассмеялся, и в этот момент большой мокрый снежок ударил ему в затылок. Мы оба обернулись, чтобы посмотреть, откуда он прилетел. Я заподозрила Эрика, который уходил, повернувшись к нам спиной, но не в сторону класса, где по расписанию у него был очередной урок, а в противоположную. Майк, должно быть, тоже подумал на него. Он наклонился и зачерпнул белую кашицу.

– Увидимся за обедом, ладно? – бросила я на ходу. – Раз уж началось швыряние этой мокрой гадости, я предпочитаю спрятаться под крышей.

Он только кивнул, не сводя глаз с удаляющегося Эрика.

Все утро было только и разговоров, что о снеге – наверное, по случаю первого снегопада в этом году. Я упорно молчала. Да, снег суше, чем дождь, – пока не растаял у тебя в носках.

После испанского, направляясь в кафетерий вместе с Джессикой, я была начеку. Мокрые снежки летели со всех сторон. Я несла в руках папку, чтобы прикрываться ею, как щитом. Джессика потешалась надо мной, но, видя мое испуганное лицо, сама запустить в меня снежком не отважилась.

Майк нагнал нас у двери – он смеялся, снег таял у него на шипах прически. Вставая в очередь за едой, Майк с Джессикой воодушевленно обсуждали битву на снежках. Я по привычке взглянула на стол в самом углу. И словно примерзла к месту. За столом сидели пятеро.

Джессика потянула меня за руку.

– Эй, Белла, тебе чего взять?

Я смотрела в пол, мои уши пылали. Мне нечего стыдиться, твердила я про себя. Я ни в чем не виновата.

– Что это с Беллой? – спросил Майк у Джессики.

– Ничего, – ответила я. – Возьму сегодня содовой, – и я встала в конец очереди.

– Совсем не хочешь есть? – удивилась Джессика.

– Тошнит немного, – не поднимая глаз, объяснила я.

Я дождалась, когда они выберут еду, и направилась за ними к столу, ни на кого не глядя.

Я пила содовую, прислушиваясь к урчанию в животе. С заботой, в которой я сейчас не нуждалась, Майк дважды спросил, как я себя чувствую. Я ответила, что нормально, а тем временем прикидывала, не сказать ли мне и в самом деле больной, чтобы переждать следующий урок в медпункте.

Бред. С какой стати я должна бегать от него?

Я решила еще раз взглянуть на семейство Калленов. Если Эдвард снова ответит враждебным взглядом, я прогуляю биологию, как последняя трусиха.

Не меняя позы, я незаметно бросила взгляд в сторону Калленов. Никто из них не смотрел на меня. Я немного подняла голову.

Они смеялись. Волосы Эдварда, Джаспера и Эмметта были мокрыми от растаявшего снега. Эмметт тряс головой, рассыпая вокруг капли, а Элис и Розали уворачивались от них. Все они так же, как и мы, радовались снежному дню, но, в отличие от нас, выглядели как кинозвезды.

Однако, несмотря на веселый вид, что-то в них изменилось, и я никак не могла понять, в чем разница. Я присмотрелась к Эдварду. Пожалуй, его кожа была не такой бледной, как раньше, – может, покраснелась от игры в снежки, и круги под глазами стали менее заметными. Но изменилось что-то еще. Я уставилась на него, гадая, что именно.

– Куда смотришь, Белла? – вмешалась Джессика и проследила направление моего взгляда.

И в этот миг наши с Эдвардом взгляды встретились.

Я опустила голову, спрятав лицо за волосами. Мы смотрели друг другу в глаза лишь мгновение, но я успела заметить, что сегодня в его глазах нет враждебности. Напротив, он смотрел на меня с любопытством, хотя и с оттенком легкого недовольства.

– На тебя таращится Эдвард Каллен! – хихикнула Джессика.

– Он не злится? – не удержавшись, спросила я.

– Нет. – Мой вопрос озадачил ее. – С какой стати?

– Мне кажется, я ему не нравлюсь, – призналась я. Меня снова затошнило, я подперла голову рукой.

– Калленам никто не нравится... а может, они просто никого вокруг не замечают. А Эдвард до сих пор смотрит на тебя.

– Отвернись! – прошипела я.

Она фыркнула, но отвела взгляд. Я подняла голову ровно настолько, чтобы убедиться,

что она послушалась. Вмешался Майк, который задумал грандиозную снежную битву на стоянке после уроков и предложил нам составить ему компанию. Джессика охотно согласилась. На Майка она смотрела такими глазами, что я ничуть не сомневалась: ей придется по душе любое его предложение. Я промолчала. Придется прятаться в спортзале, пока стоянка не освободится.

До конца обеденного перерыва я просидела, изучая стол перед собой. И решила сдержать слово, которое дала себе, – пойти на биологию, ведь Эдвард вроде бы уже не злился. При мысли, что мне опять придется сидеть рядом с ним, у меня екнуло сердце.

Идти на урок вместе с Майком, как обычно, мне не хотелось: почему-то он был излюбленной мишенью для снежков школьных снайперов. Но едва мы вышли из кафетерия, как все вокруг хором застонали: шел дождь, смывший все следы снега, который растаял и теперь чистыми ледяными ручейками стекал вдоль дорожек. Пряча радость, я набросила капюшон. Значит, домой можно отправиться сразу после физкультуры.

Майк плакался всю дорогу до четвертого корпуса.

В классе я с облегчением увидела, что за моим столом по-прежнему пусто. Мистер Баннер ходил между столами, ставя на каждый микроскоп и коробку с предметными стеклами. До начала урока оставалось несколько минут, доносился ровный гул голосов. Не сводя взгляда с двери, я рисовала каракули на обложке тетради.

Я сразу услышала, как кто-то отодвинул стул рядом со мной, но по-прежнему смотрела на свой рисунок.

– Привет, – раздался негромкий мелодичный голос.

Ошеломленная тем, что Эдвард заговорил со мной, я вскинула голову. Он и на этот раз сел как можно дальше, но повернул стул в мою сторону. Даже с мокрыми и встрепанными волосами он выглядел так, словно только что закончил сниматься в рекламе геля для укладки. Его ослепительно красивое лицо было дружелюбным и открытым, на безупречных губах играла легкая улыбка. Но глаза оставались настороженными.

– Я Эдвард Каллен, – продолжил он. – На прошлой неделе я не успел представиться. А ты, наверное, Белла Свон.

В голове все перепуталось. Неужели у меня разыгралось воображение? Сейчас Эдвард был безукоризненно вежлив. Требовалось что-нибудь ответить, он ждал. А я не могла вспомнить ни одной подходящей вежливой фразы.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – с запинкой выговорила я.

Его смех был легким и заворачивающим.

– По-моему, это все знают. Твоего приезда ждал весь город.

Я поморщилась. Так я и знала.

– Да нет же, – глупо возразила я, – я о другом: почему ты назвал меня Беллой?

Он растерялся.

– А тебе больше нравится «Изабелла»?

– Нет, «Белла», – ответила я. – Но Чарли, то есть мой отец, скорее всего называет меня за спиной Изабеллой, поэтому все здесь, похоже, знают меня как Изабеллу, – сбивчиво объясняла я, чувствуя себя безнадежно тупой.

– А-а. – Он умолк. Я смущенно отвернулась.

К счастью, в этот момент мистер Баннер начал урок. Я попыталась сосредоточиться на его объяснениях сегодняшней лабораторной работы. Предметные стекла в коробке лежали не по порядку. Работая в паре, мы с соседом должны были определить, какие фазы митоза

представлены на каждом предметном стекле с препаратами клеток верхушки корня репчатого лука, разложить их по порядку и снабдить соответствующими этикетками. Сверяться с учебником запрещалось. Мистер Баннер сказал, что проверит результаты через двадцать минут.

– Начали! – скомандовал он.

– Сначала дамы, напарник? – спросил Эдвард. Увидев, как красива его легкая кривоватая усмешка, я не смогла ответить, только уставилась на него, как дура.

– Или я начну – как скажешь. – Его улыбка погасла, он явно сомневался в том, что я в своем уме.

– Нет! – Я вспыхнула. – Я первая.

Я рисовалась, хоть и совсем немного, потому что уже делала эту лабораторную и знала, на что обращать внимание. Наверняка я легко справлюсь. Я поместила первое предметное стекло под микроскоп и быстро настроила объектив с сорокакратным увеличением. Некоторое время я изучала препарат.

– Профаза, – уверенно определила я.

– Можно и мне взглянуть? – спросил Эдвард, когда я попыталась вынуть предметное стекло. С этими словами он задержал мою руку. Его пальцы были ледяными, будто перед уроком он сунул их в сугроб. Но я отдернула руку вовсе не по этой причине: от его прикосновения меня словно пронзило током.

– Извини, – пробормотал он, сразу убрав руку, но продолжая тянуться к микроскопу. Все еще ошеломленная, я смотрела, как он изучает препарат – для этого ему понадобилось даже меньше времени, чем мне.

– Профаза, – подтвердил он, аккуратно вписывая это слово в нашу рабочую таблицу. Затем он взял следующее стекло и бегло взглянул на него в микроскоп.

– Анафаза, – сказал он и сделал еще одну запись.

Нейтральным тоном я поинтересовалась:

– Можно?

Он усмехнулся и подвинул микроскоп ко мне.

Я прильнула к окуляру и сразу отстранилась с досадой. Вот черт, он прав.

– Третье стекло? – Не глядя на него, я протянула руку.

Эдвард вложил стекло в мою ладонь, на этот раз стараясь не дотронуться до нее.

Я ограничилась самым мимолетным взглядом, на какой только была способна.

– Интерфаза. – Не дожидаясь просьбы, я придвинула микроскоп Эдварду. Он посмотрел в микроскоп и сделал новую запись. Я могла бы заполнить таблицу и сама, но устыдилась при виде его отчетливого изящного почерка. Мне не хотелось портить таблицу своими каракулями.

Лабораторную мы закончили, намного опередив остальных. Я заметила, как Майк с соседкой несколько раз смотрели то на одно стекло, то на другое, сравнивая их. Еще одна пара прятала под столом открытый учебник.

Заняться больше было нечем, и я попыталась не глазеть на Эдварда – безуспешно! Я все-таки взглянула на него, а он уставился на меня как прежде, с необъяснимым раздражением в глазах. Вдруг я сообразила, почему сегодня его лицо выглядит иначе.

– Ты в контактных линзах? – не задумываясь, ляпнула я.

Мой неожиданный вопрос его озадачил.

– Нет.

– А-а... – протянула я. – Просто мне показалось, что у тебя глаза стали другими.

Он пожал плечами и отвел взгляд.

Теперь я точно знала: что-то изменилось. Я же помнила непроглядную черноту его глаз, когда в прошлый раз он впивался в меня яростным взглядом: эти глаза отчетливо выделялись на фоне бледной кожи и рыжеватых волос. А сегодня у него были глаза совершенно другого цвета – необычного, охристого, темнее, чем цвет жженного сахара, но с тем же золотистым оттенком. Я не понимала, как такое возможно – если, конечно, он не соврал про линзы. Или просто Форкс свел меня с ума в буквальном смысле слова.

Я опустила глаза. Эдвард снова сжал пальцы в кулаки.

Мистер Баннер подошел к нашему столу, выяснить, почему мы бездельничаем. Заглянув нам через плечо и увидев заполненную таблицу, он начал проверять ее.

– Эдвард, может, стоило дать Изабелле возможность поработать с микроскопом? – спросил мистер Баннер.

– Белле, – машинально поправил Эдвард. – Вообще-то она определила три препарата из пяти.

Мистер Баннер перевел взгляд на меня, его выражение стало скептическим.

– Ты уже выполняла эту работу? – спросил он.

Я смущенно улыбнулась.

– Но не с препаратами лукового корня.

– С бластурой сига?

– Да.

Мистер Баннер кивнул.

– В Финиксе ты училась по программе повышенной сложности?

– Да.

– Ну что же, – помолчав, продолжил он, – хорошо, что на лабораторных вы сидите вместе, – он невнятно добавил еще что-то и отошел. Я снова принялась черкать в тетради.

– Обидно получилось со снегом, верно? – спросил Эдвард. Мне показалось, что он заставляет себя поддерживать со мной разговор о пустяках. Паранойя снова захлестнула меня. Он как будто подслушал наш с Джессикой разговор за обедом и теперь пытался доказать, что я не права.

– Вообще-то нет, – честно ответила я вместо того, чтобы притворяться нормальной, такой же, как все. Я до сих пор пыталась отделаться от дурацких подозрений и не могла сосредоточиться.

– Ты не любишь холод. – Он не спрашивал, а утверждал.

– И сырость тоже.

– Тяжко тебе приходится в Форксе, – задумчиво проговорил он.

– Еще как, – мрачно буркнула я.

По какой-то невообразимой причине мои слова заинтересовали Эдварда. Его лицо мешало мне сосредоточиться, и я старалась смотреть на него не чаще, чем требовала вежливость.

– Зачем же ты сюда приехала?

Об этом меня еще никто не спрашивал – по крайней мере, напрямую, требовательно, как он.

– Это... сложно объяснить.

– А ты попробуй, – настаивал он.

Я помолчала, а потом сделала ошибку – посмотрела ему в глаза. Эти темно-золотистые глаза смутили меня, и я выпалила, не думая:

– Моя мама снова вышла замуж.

– Пока что все понятно, – отметил он с неожиданным сочувствием. – Когда это случилось?

– В прошлом сентябре. – Даже я уловила грусть в собственном голосе.

– И ты его недолюбливаешь, – предположил Эдвард все тем же доброжелательным тоном.

– Нет, Фил хороший. Может, слишком молодой, но славный.

– Почему же ты не осталась с ними?

Я понятия не имела, почему он так заинтересовался, но он не сводил с меня пронизательных глаз, словно моя скучная биография имела жизненно важное значение.

– Фил постоянно в разъездах. Он зарабатывает на жизнь бейсболом. – Я нехотя улыбнулась.

– Я мог слышать о нем? – ответил он улыбкой.

– Вряд ли. Фил играет так себе. Всего лишь в низшей лиге. И постоянно ездит куда-нибудь.

– И твоя мать отправила тебя сюда, чтобы самой ездить вместе с ним. – Он опять не спрашивал, а утверждал.

Мой подбородок дрогнул.

– Никуда она меня не отправляла. Это я сама.

Он нахмурился.

– Не понимаю, – признался он так, словно его это раздражало.

Я вздохнула: ну и к чему все эти объяснения? Эдвард по-прежнему с явным интересом смотрел на меня.

– Сначала мама оставалась со мной, но очень скучала по Филу. Она была несчастна... вот я и решила, что пора пожить у Чарли, – мрачно закончила я.

– И теперь несчастна ты, – сделал вывод он.

– И что с того? – с вызовом спросила я.

– По-моему, несправедливо, – пожал он плечами, не сводя с меня пристального взгляда.

Мой смех прозвучал невесело.

– А разве ты не знал? В жизни нет справедливости.

– Кажется, что-то в этом роде я уже слышал, – сухо подтвердил он.

– Вот, собственно, и все, – заверила я, не понимая, почему он до сих пор так внимательно смотрит на меня.

Взгляд Эдварда стал оценивающим.

– Здорово у тебя получается, – с расстановкой произнес он. – Но готов поспорить, что ты страдаешь, хотя и не подаешь виду.

Я состроила гримасу, с трудом удержавшись, чтобы не показать ему язык, как девчонка, и отвернулась.

– Я ошибся?

Отвечать я не стала.

– Нет, вряд ли, – самоуверенно добавил он вполголоса.

– А тебе-то что? – огрызнулась я, глядя, как учитель ходит по классу.

– Вопрос в самую точку, – пробормотал он так тихо, словно говорил сам с собой. После

нескольких секунд молчания стало ясно, что другого ответа я не дожусь.

Я вздохнула, насупленно разглядывая классную доску.

– Я тебя раздражаю? – спросил он, словно забавляясь.

Я неосмотрительно еще раз посмотрела на него... и снова сказала правду.

– Не то чтобы ты. Скорее, я сама себя раздражаю. У меня все написано на лице – мама говорит, что читает меня, как открытую книгу. – Я нахмурилась.

– Наоборот! Тебя очень трудно читать.

Эти слова прозвучали неожиданно искренне.

– Ты, похоже, спец в этом деле, – отозвалась я.

– Ну, в общем, да. – Он широко улыбнулся, сверкнув безупречными белоснежными зубами.

Тут мистер Баннер призвал класс к порядку, и я с облегчением стала его слушать. Мне не верилось, что я рассказала свою скучную историю этому удивительно красивому парню, даже не разобравшись, презирает он меня или нет. Нашим разговором он вроде бы увлекся, но теперь я видела краем глаза, как он снова отодвинулся подальше и судорожно, в несомненном напряжении вцепился в край стола.

Я сделала вид, что внимательно слушаю мистера Баннера, возившегося с пленками и проектором, показывая те же фазы, которые я без труда различила под микроскопом, но мысленно продолжала прокручивать наш разговор.

Сразу после звонка Эдвард выскользнул из класса так же быстро и плавно, как в прошлый понедельник. И снова я замороженно уставилась ему вслед.

Подоспел Майк и принялся услужливо собирать мои учебники. Я представила, как он виляет хвостом от усердия.

– Кошмар! – жаловался он. – Их же вообще не различишь, эти стекла! Повезло тебе с напарником.

– Я сама справилась, – заверила я, уязвленная намеком, но тут же пожалела о своей резкости. – Просто я уже делала эту работу, – добавила я прежде, чем он успел обидеться.

– Каллен сегодня был в настроении, – заметил Майк, пока мы надевали куртки. Это наблюдение его не радовало.

Я изобразила безразличие.

– Интересно, что с ним стряслось в прошлый понедельник.

По дороге в спортзал я не слушала болтовню Майка, на физкультуре тоже витала в облаках. Сегодня я попала в одну команду с Майком, и он по-рыцарски успевал играть и на моей, и на своей позиции. Мои грезы наяву прерывались лишь ненадолго, когда наступала моя очередь подавать, а команде – бдительно уворачиваться от моих бросков.

До стоянки я шла под мелкой изморосью, но в сухой кабине сразу воспряла духом и включила печку, уже не стесняясь надсадно ревущего мотора. Расстегнув куртку, сбросила капюшон и взбила волосы, чтобы по пути домой они успели просохнуть.

Оглядев стоянку, чтобы убедиться, что выезд свободен, я вдруг заметила неподвижную белую фигуру. Через три машины от меня, прислонившись к передней дверце «вольво», стоял Эдвард Каллен и внимательно смотрел в мою сторону. Я торопливо отвернулась, переключилась на заднюю передачу и в спешке чуть не задела ржавую «тойоту-короллу». К счастью для «тойоты», я вовремя ударила по тормозам: такую машину мой пикап легко превратил бы в металлолом. Я сделала глубокий вдох и, не глядя по сторонам, осторожно повторила попытку выехать со своего места, на этот раз успешно. Проезжая мимо «вольво», я

смотрела прямо перед собой, но, судя по тому, что заметила боковым зрением, могла бы поклясться: Каллен смеялся.

Глава 3

Феномен

Открыв глаза на следующее утро, я сразу ощутила перемену.

Другим стал свет. По-прежнему серовато-зеленый, как пасмурным днем в лесу, он заметно посветлел. Я поняла, что тумана за окном больше нет.

Вскочив, я выглянула в окно и в ужасе застонала.

Тонкий слой снега покрыл весь двор, припорошил крышу автомобиля и выбелил улицу. Мало того, капли вчерашнего дождя затвердели, покрыв иголки на деревьях причудливым панцирем, а мокрая подъездная дорожка превратилась в опасный каток. Я и на сухой земле не всегда удерживаю равновесие, а в такой день, как этот, мне лучше вообще не вылезать из постели.

Чарли уехал на работу задолго до того, как я встала. В некотором смысле жить с Чарли было все равно что одной, и я обнаружила, что наслаждаюсь одиночеством, а не страдаю от него.

На скорую руку я заправилась миской хлопьев и апельсиновым соком. Не терпелось поскорее добраться до школы, и это пугало: ведь я рвалась туда вовсе не ради стимулирующей учебной атмосферы или встречи с новыми друзьями. Если уж говорить начистоту, я спешила в школу, чтобы увидеть Эдварда Каллена. Глупо, конечно. Ведь после того, что я вчера так бездумно наболтала ему, мне следовало избегать его. Верить этому парню нельзя: зачем он соврал про линзы? И почему все время пытается отстраниться, несмотря на приветливый тон? И это идеальное лицо, при воспоминании о котором перехватывает дыхание... Я прекрасно понимала, что мой мир никак не пересекается с миром Эдварда, – понимала, и все равно хотела как можно скорее увидеть его.

Мне понадобилось всецело сосредоточиться, чтобы одолеть скользкую подъездную дорожку и остаться в живых. Возле самого пикапа я чуть не потеряла равновесие, но ухитрилась схватиться за боковое зеркало и все же устояла на ногах. День определенно предвещал недоброе.

По дороге в школу я думала о Майке и Эрике, а также о том, как по-разному относились ко мне мальчишки в прежней школе и здесь. Я ничуть не сомневалась, что выгляжу точно так же, как в Финиксе. Может, на прежнем месте мальчишки не обращали на меня внимания из-за того, что все нескладные фазы подросткового возраста проходили у них на глазах? Или здесь я пользуюсь успехом только из-за того, что новенькая? Ведь новые люди в здешних краях – редкость. Может, моя неуклюжесть выглядит здесь вовсе не жалко, а даже мило, и я произвожу впечатление «девы в беде»? Как бы там ни было, собачья преданность Майка и очевидное соперничество с ним Эрика смущали меня. Пожалуй, я предпочла бы остаться незамеченной.

По черному льду, покрывающему дороги, мой пикап передвигался, не доставляя проблем. Но ехала я очень медленно, не желая оставлять за собой полосу разрушений на Мейн-стрит.

Только выйдя из пикапа у школы, я поняла, почему добралась без приключений. Заметив какой-то серебристый блеск, я обошла машину сзади, на всякий случай держась за крыло, и осмотрела колеса. Тонкие противоледные цепи, надетые на них крест-накрест, образовывали

ромбы на шинах. Чарли поднялся ни свет ни заря, чтобы оснастить цепями мой пикап! Я не привыкла к тому, чтобы меня опекали, молчаливая забота Чарли застала меня врасплох.

Я все еще стояла, пытаюсь одолеть внезапно подступившие слезы, когда вдруг услышала странный звук.

Это был пронзительный скрип, который стремительно усиливался.

А потом я увидела все и сразу. Но не как в кино, в замедленной съемке: видимо, из-за выброса адреналина мой мозг заработал гораздо быстрее, и я сумела уловить картину целиком, вплоть до мельчайших подробностей.

Я видела, как Эдвард Каллен, от которого меня отделяло четыре машины, в ужасе смотрит на меня. Его лицо выделялось из целого моря лиц, на которых застыло одинаковое выражение шока. Но главную роль в этой сцене играл темно-синий фургон, который занесло, и теперь он, с заблокированными колесами, под визг тормозов крутился волчком, продвигаясь по обледенелой стоянке. Удар по заднему углу моего пикапа был неминуем, а на пути фургона, между ним и пикапом, стояла я. И времени не было даже на то, чтобы закрыть глаза.

Но за мгновение до того, как я услышала скрежет, с которым крыло фургона сложилось, огибая угол кузова пикапа, что-то с силой ударило меня, но не с той стороны, откуда я ожидала. Моя голова стукнулась о покрытый льдом асфальт, я почувствовала, как что-то твердое и холодное пригвоздило меня к нему. Оказалось, я лежу за бежевой машиной, возле которой припарковалась. Но больше я ничего не успела заметить, потому что фургон снова приближался. Со скрежетом обогнув пикап, он, продолжая скользить и поворачиваться, вновь угрожал наехать на меня.

Приглушенная брань подсказала, что рядом со мной кто-то есть, и не узнать этот голос казалось невозможным. Две длинные руки были рывком выброшены вперед, и фургон, содрогнувшись, остановился на расстоянии метра от моего лица, большие ладони пришлись точно по размеру глубокой вмятины на боку фургона.

Белые руки задвигались так стремительно, что расплылись в воздухе. Одна вдруг схватилась снизу за кузов фургона, и одновременно что-то потащило меня прочь, пока наконец мои ноги не были перекинуты, словно тряпичные, на другое место, где задела шину бежевого автомобиля. Глухой стук металла и звон резанул уши, и фургон с лопнувшим стеклом наконец застыл на асфальте – на том самом месте, где за мгновение до этого лежали мои ноги.

Секунда гробовой тишины тянулась бесконечно, а потом раздался визг. В этом внезапном бедламе я слышала, как сразу несколько голосов повторяют мое имя. Но гораздо отчетливее, чем вопли, я различила приглушенный отчаянный возглас Эдварда Каллена:

– Белла, ты жива?

– Со мной все хорошо, – собственный голос казался мне чужим. Я попыталась сесть, и только тогда поняла, что Эдвард мертвой хваткой прижимает меня к своему боку.

– Осторожно! – предостерег он, пока я пыталась высвободиться. – Кажется, ты сильно ударила головой.

Лишь после этого я ощутила пульсирующую боль над левым ухом.

– Ой... – удивилась я.

– Так я и думал. – Как ни странно, он словно с трудом удерживался от смеха.

– Но как... – Я осеклась, пытаюсь собраться с мыслями и осознать случившееся. – Как ты очутился здесь так быстро?

– Я же стоял рядом с тобой, Белла. – Он снова посерьезнел.

Я попробовала сесть, и на этот раз он не стал удерживать меня, разжал руки у меня на талии и отодвинулся, насколько позволяло узкое пространство между машинами. Я увидела на его лице озабоченное и бесхитростное выражение и снова растерялась под взглядом его золотистых глаз. Так о чем я хотела спросить?

В этот момент к нам подбежала целая толпа. Со слезами на глазах эти люди что-то кричали друг другу и нам.

– Не двигайтесь! – велел кто-то.

– Вытащите Тайлера из фургона! – крикнул другой. Вокруг нас поднялась суeta. Я хотела было встать, но Эдвард ледяной рукой удержал меня за плечо.

– Подожди пока.

– Холодно, – пожаловалась я, и Эдвард, удивив меня, негромко хмыкнул. В этом звуке слышалось самодовольство.

– Ты стоял вон там, – вдруг вспомнила я, и его смешок оборвался. – Возле своей машины.

Его лицо стало непреклонным.

– Нет, не там.

– Но я же видела!

Хаос вокруг нас продолжался. Я различала низкие голоса подоспевших взрослых. И упрямо продолжала спорить: я считала, что права, и добивалась от Эдварда признания моей правоты.

– Белла, я стоял рядом с тобой и оттолкнул тебя в сторону. – Он пустил в ход всю ошеломляющую силу своего взгляда, словно пытался мысленно внушить мне что-то важное.

– Нет, – сопротивлялась я.

Его глаза полыхали золотом.

– Прошу тебя, Белла!

– Но почему? – допытывалась я.

– Доверься мне, – умолял он, и его мягкий голос кружил голову.

Неподалеку завывали сирены.

– Обещаешь потом все объяснить?

– Ладно, – с внезапным раздражением бросил он.

– Ладно, – зло повторила я.

Понадобилось шесть санитаров «Скорой помощи» и двое учителей – мистер Варнер и тренер Клапп – чтобы отодвинуть фургон и перенести поближе к нам носилки. Эдвард наотрез отказался лечь на них, и я попыталась последовать его примеру, но он предательски сообщил им, что я ударилась головой и, наверное, у меня сотрясение. Я чуть не умерла от унижения, когда на меня надели фиксирующий воротник. Казалось, вся школа сбежалась посмотреть, как меня грузят в кузов «Скорой помощи». Эдварду досталось место в кабине. Только этого не хватало!

В довершение всех бед шеф полиции Свон прибыл раньше, чем меня успели благополучно увезти.

– Белла! – в панике закричал он, увидев меня на носилках.

– Все хорошо, Чар... папа. – Я вздохнула. – Со мной ничего не случилось.

За подтверждением он обратился к ближайшему санитару. А я отвлеклась, чтобы обдумать мешанину необъяснимых видений, беспорядочно крутившихся у меня в голове.

Когда меня подняли, чтобы унести от машины, я заметила глубокую вмятину на бампере бежевой машины, очень характерную вмятину, повторяющую очертания плеч Эдварда... будто он вжался в машину с такой силой, что погнул металлическую раму... Я попыталась найти логическое объяснение произошедшему, но безуспешно.

Его семья наблюдала за нами издалека, с самым разным выражением лиц — от осуждения до бешенства. А беспокойства за брата я что-то не заметила.

Разумеется, «Скорая» прибыла в окружную больницу вместе с полицейским эскортом. Все время, пока меня выгружали, я чувствовала себя нелепо. Особенно когда Эдвард просто вошел в дверь больницы на своих двоих. Мне осталось лишь скрипеть зубами.

Меня привезли в приемное отделение «Скорой» — длинную палату с кроватями в ряд, отгороженными друг от друга занавесками с пастельным рисунком. Медсестра надела мне на руку манжету тонометра и сунула под язык градусник. Поскольку никому не пришло в голову задернуть занавеску и обеспечить мне хоть какое-то подобие уединения, я решила, что больше не обязана терпеть дурацкий фиксирующий воротник. Как только медсестра вышла, я расстегнула липучку на нем и зашвырнула его под кровать.

Снова поднялась суета, и к соседней кровати подвезли еще одну каталку. Несмотря на тугую окровавленную повязку на голове, я узнала пациента — это был Тайлер Кроули из моего класса политологии. Тайлер пострадал раз в сто сильнее, чем я, но увидев меня, заволновался.

— Белла, прости, пожалуйста!

— Тайлер, со мной все хорошо, а вот ты неважно выглядишь. Как ты?

Тем временем медсестры начали снимать с него пропитанные кровью бинты, и оказалось, что весь лоб и левая щека Тайлера усеяны множеством мелких порезов.

Мой вопрос он пропустил мимо ушей.

— Я уже думал, что задавлю тебя! Разогнался по глупости, а там лед... — Он поморщился: медсестра принялась обрабатывать его раны.

— Не беспокойся, ты меня не задел.

— Но как тебе удалось отскочить так быстро? Только что была на месте и вдруг исчезла.

— Эм-м... меня Эдвард оттащил.

Он растерялся.

— Кто?

— Эдвард Каллен, он стоял рядом со мной.

Я же говорила, что врать не умею. Объяснение прозвучало неубедительно.

— Каллен? А я его не заметил... Ого, вот это реакция! Как он, ничего?

— Кажется, да. Он где-то здесь, но пришел сам, не на носилках.

Я точно знала, что я в своем уме. Так что же произошло? Объяснить то, что я видела своими глазами, оказалось невозможно.

Потом меня увезли на рентген. Я и без него могла сказать, что все в порядке. Обошлось даже без сотрясения. Я спросила сестру, можно ли мне уйти, но она велела дожидаться осмотра врача. Пришлось торчать в приемном отделении, выслушивая бесконечные извинения Тайлера и обещания загладить вину. Я изо всех сил пыталась убедить его, что со мной ничего не случилось, но он никак не мог успокоиться. Наконец я закрыла глаза и перестала отвечать ему, а он все бормотал и бормотал...

— Она спит? — слышался мелодичный голос. Я мигом открыла глаза.

В ногах моей кровати стоял усмехающийся Эдвард. Я смерила его возмущенным

взглядом, хотя это было непросто – изобразить возмущение вместо восторга.

– Слушай, Эдвард, ты извини... – начал Тайлер.

Эдвард вскинул руку:

– «Нет крови – нет фола», – напомнил он спортивное правило, сверкнув зубами, и присел на край койки Тайлера, лицом ко мне. Он по-прежнему усмехался.

– Ну, каков вердикт? – спросил он у меня.

– Все хорошо, а они меня не отпускают, – пожаловалась я. – А тебя почему не привязали к носилкам?

– Меня здесь знают, – ответил он. – Не бойся, я пришел освободить тебя.

А потом из-за угла вышел доктор, и я невольно разинула рот: молодой, светловолосый, красивее всех кинозвезд, каких я только видела! Однако лицо у него было бледным и усталым, с темными кругами под глазами. Вспомнив слова Чарли, я догадалась, что это отец Эдварда.

– Итак, мисс Свон, – удивительно приятным тоном произнес доктор Каллен, – как вы себя чувствуете?

– Замечательно, – ответила я уже в который раз.

Он прошел к световому щиту у меня за головой и включил его.

– Снимки хорошие, – объявил он. – Голова не болит? Эдвард сказал, что вы сильно ударились головой.

– С головой все замечательно, – повторила я со вздохом, метнув в Эдварда злобный взгляд.

Доктор осторожно прощупал мой череп холодными пальцами. И заметил, как я поморщилась.

– Болит?

– Почти нет.

Бывало и хуже.

Услышав, как усмехнулся Эдвард, я подняла глаза и, увидев его снисходительную улыбку, зло прищурилась.

– Ну что же, можете ехать домой – ваш отец ждет в приемном покое. Но если закружится голова или появятся проблемы со зрением, немедленно приезжайте.

– А в школу можно? – спросила я, представив, как Чарли попытается окружить меня заботой.

– Сегодня вам лучше остаться дома.

Я кивнула в сторону Эдварда.

– А ему, значит, можно в школу?

– Кто-то же должен передать остальным, что мы живы, – с самодовольным видом высказался Эдвард.

– Между прочим, – заметил доктор Каллен, – почти вся школа здесь, в приемном покое.

– О, нет! – застонала я, закрыв лицо ладонями.

Доктор Каллен поднял брови.

– Хотите остаться в палате?

– Нет-нет! – испугалась я, сбросила ноги с кровати и порывисто вскочила. Слишком порывисто, отчего слегка пошатнулась, и доктору Каллену пришлось поддержать меня. Его лицо стало озабоченным.

– Все замечательно, – снова заверила я, не вдаваясь в объяснения, что ушиб головы и

проблемы с равновесием никак не связаны.

– Выпейте тайленол от боли, – предложил он, помогая мне устоять на ногах.

– Боли почти нет, – возразила я.

– Похоже, вы на редкость удачливы, – улыбнулся доктор Каллен, размашисто расписываясь в моей карте.

– Это Эдвард удачливый, – поправила я, многозначительно глядя на того, о ком шла речь.

– А, да, – рассеянно согласился доктор Каллен и подошел к койке Тайлера. Интуиция меня не подвела: доктор в курсе случившегося.

– А вам, к сожалению, придется у нас задержаться, – сказал он Тайлеру, осматривая его раны.

Как только доктор отвернулся, я шагнула к Эдварду.

– Поговорим? – еле слышно шепнула я. Эдвард сделал шаг назад, лицо стало жестким.

– Тебя ждет отец, – процедил он сквозь зубы.

Я оглянулась на доктора Каллена и Тайлера.

– Мне хотелось бы поговорить с тобой наедине, – настаивала я.

С недовольным видом он повернулся и зашагал через длинную комнату. Чтобы угнаться за ним, я почти бежала. Как только мы зашли за угол и оказались в небольшом коридоре, он круто развернулся.

– Ну, чего тебе? – раздраженно выпалил он. Его глаза были ледяными.

От такой враждебности я опешила. Мой голос зазвучал не так требовательно и строго, как я рассчитывала.

– Ты обязан объясниться, – напомнила я.

– Я спас тебе жизнь и больше ничем не обязан.

Его ответ прозвучал так неприязненно, что я вздрогнула, как от боли.

– Ты же обещал!

– Белла, у тебя ушиб головы. Ты сама не понимаешь, что говоришь. – Тон был язвительным.

Я вспыхнула и с вызовом уставилась на него.

– С головой у меня все в порядке.

Он пронзил меня взглядом в упор.

– Чего ты от меня хочешь, Белла?

– Хочу знать правду. Знать, зачем ты заставил меня врать.

– Ну и что, по-твоему, случилось? – рявкнул он.

Слова выплеснулись из меня разом:

– Я помню только, что рядом со мной тебя не было, и Тайлер тоже тебя не видел, и не надо твердить, что это у меня от ушиба, голова тут ни при чем! Тот фургон должен был раздавить нас обоих, но не раздавил, а на боку у него остались вмятины от твоих ладоней, и еще одна вмятина от тебя, на другой машине, а ты цел и невредим! И еще тот фургон должен был наехать мне на ноги, но ты задержал его и поднял... – Я вдруг поняла, как абсурдно все это звучит, и осеклась. В бешенстве я чувствовала, как подступают слезы, и попыталась сдержать их, стиснув зубы.

Эдвард смотрел на меня так, будто не верил своим глазам. Его лицо оставалось настороженным и застывшим.

– По-твоему, я поднял фургон?!

Судя по тону, он сомневался в моем здравом рассудке, однако слова прозвучали как

отрепетированная реплика опытного актера.

Я лишь кивнула, сжав зубы.

– Ты же понимаешь: никто тебе не поверит, – с оттенком издевки выговорил он.

– А я и не собираюсь никому об этом рассказывать, – с расстановкой произнесла я, старательно сдерживая гнев.

На его лице промелькнуло удивление.

– Тогда не все ли равно?

– Мне – нет, – возразила я. – Не люблю врать, и ты должен привести очень убедительные аргументы для того, чтобы я сделала это.

– Неужели нельзя просто сказать мне «спасибо» и покончить с этим?

– Спасибо, – с негодованием бросила я и застыла в ожидании.

– Значит, не успокоишься?

– Нет.

– Ничего не поделаешь... вынужден тебя разочаровать.

Мы молча и мрачно уставились друг на друга. Глядя в это прекрасное злое лицо, я начала забывать все правильные слова, которые приготовила. Он был похож на грозного ангела.

– Ну если так, зачем вообще было утруждать? – холодно проговорила я.

Он помолчал, и на краткий миг его изумительное лицо вдруг стало беззащитным.

– Не знаю, – прошептал он, повернулся и ушел.

От злости я несколько минут не могла сойти с места, потом медленно побрела к выходу в конце коридора.

Когда я вошла в приемный покой, мне показалось, что здесь собралось все население Форкса. И все смотрели на меня. Чарли бросился было навстречу, но резко затормозил, увидев мои вскинутые руки.

– Я в полном порядке, – угрюмо заверила я.

– Что сказал врач?

– Ничего страшного. Доктор Каллен осмотрел меня и отпустил домой. – Я вздохнула. И Майк, и Джессика, и Эрик – все были здесь и начинали обступать нас. – Давай уедем, – попросила я.

Держа руку наготове, чтобы подхватить, если я начну падать, Чарли проводил меня к выходу. У застекленной двери я вяло помахала друзьям, давая понять, что у них нет причин для беспокойства, и в кои-то веки села в патрульную машину с радостью.

Мы ехали молча. Я так погрузилась в свои мысли, что почти не замечала присутствия Чарли. Во время разговора в коридоре Эдвард явно защищался, тем самым косвенно признавая, что все эти чудеса мне не привиделись.

Возле дома Чарли наконец заговорил:

– Знаешь... ты позвони Рене, – и виновато опустил голову.

Я ужаснулась.

– Ты сказал маме?!

– Извини.

Покидая машину, я хлопнула дверцей громче, чем следовало.

Мама, конечно, впала в истерику. Пришлось раз тридцать повторить, что я в полном порядке, прежде чем она успокоилась. Она умоляла меня вернуться домой, совсем забыв, что там я окажусь совсем одна. Сейчас у меня не было ни малейшего желания возвращаться в

Финикс. Все мои мысли занимала тайна Эдварда. И не в последнюю очередь – сам Эдвард. Глупо, как же это глупо. Я не согласилась уехать из Форкса, как это сделал бы на моем месте любой нормальный здравомыслящий человек.

Тем вечером я рано ушла в свою комнату. Чарли по-прежнему озабоченно следил за мной, и это действовало мне на нервы. По дороге к себе я прихватила из ванной три таблетки тайленола. Боль утихла, и я задремала.

Той ночью мне впервые приснился Эдвард Каллен.

Глава 4

Приглашения

В сновидении царила тьма, и только кожа Эдварда слабо светилась. Я не видела его лица – он уходил вдаль, оставляя меня во мраке. Как бы я ни бежала, я не могла его догнать, как бы громко ни звала, он не оборачивался. Измученная, я проснулась среди ночи и потом долго не могла заснуть. С тех пор я видела Эдварда каждую ночь, но только издалека. И ни разу – рядом.

Месяц после инцидента на стоянке прошел в беспокойстве, напряжении и поначалу – в мучительной неловкости.

К моему ужасу, на всю оставшуюся неделю я очутилась в центре всеобщего внимания. Тайлер Кроули был невыносим – слонялся за мной по пятам в надежде загладить вину. Я убеждала его, что больше всего хочу, чтобы он просто обо всем забыл, тем более что со мной ничего особенного не случилось, однако он не унимался. Он ходил за мной с урока на урок, сидел во время обеда за нашим и без того многолюдным столом. Майк и Эрик были настроены к нему еще враждебнее, чем друг к другу, и я начала опасаться, что обзавелась еще одним непрошеным поклонником.

Об Эдварде никто не вспоминал, хотя я без устали объясняла, что он и есть герой – ведь это он буквально выволок меня из-под машины, рискуя собственной жизнью. Мне казалось, что мои объяснения звучат убедительно, но Джессика, Майк, Эрик и остальные в один голос твердили, что Эдвард появился рядом со мной, только когда фургон оттащили в сторону.

Я терялась в догадках, почему никто не видел того, что произошло на самом деле: он совершил невозможное и спас мне жизнь. И наконец была вынуждена признаться себе: никто не чувствовал присутствие Эдварда так же остро, как я. Никто не следил за ним так же пристально. Очень жаль.

Эдварда так ни разу и не обступили любопытные очевидцы, требуя отчета из первых рук. Как обычно, его сторонились. Каллены и Хейлы занимали тот же столик, что и всегда, не ели и разговаривали только между собой. В мою сторону никто из них больше не смотрел, особенно Эдвард.

На уроках он старался отодвинуться как можно дальше и совсем не обращал на меня внимания. Только время от времени вдруг сжимал кулаки, так что натянутая кожа белела на костяшках, и я снова задавалась вопросом, на самом ли деле он так безразличен, как кажется.

Наверное, раскаивается, что спас меня от смерти под фургоном Тайлера, – другого объяснения я не находила.

Через день после злополучного случая я не выдержала и попыталась заговорить с ним. С одной стороны, я все еще злилась на него за недоверие и нежелание сказать правду, несмотря на то, что я добросовестно выполнила свою часть сделки, но с другой стороны – он спас мне жизнь. От одной этой мысли жгучий гнев мгновенно сменялся трепетом благодарности.

Когда я вошла в кабинет биологии, Эдвард уже сидел там, глядя прямо перед собой. Я тоже села, ожидая, что он повернется. Но он словно и не заметил моего появления.

– Привет, Эдвард, – вежливо сказала я, всем своим видом давая понять, что не намерена возвращаться к неприятной ему теме.

Он едва заметно повернул голову, коротко кивнул и отвернулся.

Так и закончилось наше последнее общение, хотя мы по-прежнему каждый день сидели рядом. Порой, не удержавшись, я наблюдала за ним в кафетерии или на парковке. И видела, как его золотистые глаза с каждым днем все заметнее темнеют. Но на уроках делала вид, что не замечаю его. И тосковала. А сны продолжались.

В письмах Рене я врала без зазрения совести, но общий тон встревожил ее, и она несколько раз звонила. Я всячески успокаивала ее, уверяя, что меня угнетает погода.

Зато Майка радовало явное охлаждение между мной и Эдвардом. Видимо, он опасался, что я могу влюбиться в своего спасителя. Теперь же, убедившись, что этого не случилось, он осмелел и частенько подсаживался на край моего стола, чтобы поболтать перед биологией, не замечая Эдварда так же, как Эдвард не замечал нас.

После памятного гололеда снегопады прекратились надолго. Майк жалел, что битва на снежках так и не состоялась, и утешался только приближающейся поездкой на побережье. Но проходили недели, а дожди не заканчивались.

Приближался весенний бал, на который по традиции девушки приглашают парней. Мне позвонила Джессика и попросила разрешения пригласить Майка.

– Так ты правда не против? Значит, не собиралась пригласить его сама? – допытывалась она, услышав, что я несколько не возражаю.

– Нет, Джесс, я вообще не пойду, – заверила я. Танцы – не мой конек.

– Приходи, будет весело! – сказала она без особого пыла, больше для очистки совести. Я уже давно догадалась, что она общается со мной скорее из-за того, что я популярна, чем потому, что ей искренне нравится моя компания.

– Вот и повеселишься вместе с Майком, – обнадежила я.

На следующий день на тригонометрии и испанском я с удивлением отметила, что Джессика как-то странно неразговорчива. До другого корпуса мы дошли в полном молчании. Я не рискнула спросить, в чем дело, – вдруг Майк отказал ей?

За обедом я укрепилась в своих подозрениях – Джессика села как можно дальше от Майка и воодушевленно зашебетала с Эриком. Вопреки обыкновению, Майк молчал.

И на урок он сопровождал меня молча, а смущенное выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Но о случившемся он заговорил лишь в классе, когда я заняла свое место, а он пристроился на краю моего стола. Как обычно, я остро ощущала присутствие Эдварда – совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но такого далекого...

– Знаешь... – начал Майк, глядя в пол, – Джессика пригласила меня на весенний бал.

– Здорово. – Я изобразила радость и воодушевление. – С Джессикой тебе будет весело.

– М-да... – Он осекся, увидев, что я улыбаюсь. Моя реакция расстроила его. – Я сказал ей, что подумаю.

– О чем же здесь думать? – укоризненно спросила я, втайне радуясь, что он не отказал ей сразу.

Он вспыхнул и опустил глаза. Сочувствие к нему поколебало мою решимость.

– Я просто подумал... а вдруг меня пригласишь ты.

Я помолчала, ругая себя за внезапный прилив угрызений совести. И вдруг краем глаза увидела, как Эдвард в задумчивости повернул голову в мою сторону.

– Майк, ты должен принять приглашение Джессики, – сказала я.

– Ты уже пригласила кого-то?

Заметил ли Эдвард, как Майк стрельнул в него глазами?

– Нет, – ответила я, – на бал я вообще не пойду.

– Почему?

Мне не хотелось объяснять, что представляют собой танцы в моем исполнении, и я наскоро придумала отговорку.

– В ту субботу я еду в Сиэтл, – объяснила я. Мне все равно пора сменить обстановку, а тут как раз подвернулся случай.

– А в другие выходные съездить нельзя?

– К сожалению, нет. Так что не заставляй Джесс ждать, это невежливо.

– Ага, верно, – промямлил он и вернулся на свое место удрученный. Я закрыла глаза и прижала пальцы к вискам, стараясь вытеснить из головы угрызения совести и сочувствие. Мистер Баннер обратился к классу, я вздохнула и открыла глаза.

И обнаружила, что Эдвард смотрит на меня с любопытством и уже знакомым оттенком раздражения, более очевидным теперь, когда его глаза стали черными.

В удивлении я уставилась на него в упор, ожидая, что он сразу отвернется. Но вместо этого он продолжал впиваться в меня пристальным взглядом. О том, чтобы отвернулась я, не могло быть и речи. У меня задрожали руки.

– Мистер Каллен! – вызвал учитель, ожидая ответа на вопрос, который я прослушала.

– Цикл Кребса, – ответил Эдвард, нехотя переводя взгляд на мистера Баннера.

Едва улизнув от его взгляда, я уставилась в учебник, соображая, на чем мы остановились. Как обычно, я трусливо свесила волосы с правого плеча, прикрывая лицо. Невероятно, насколько мощная волна эмоций накрыла меня только потому, что впервые за шесть недель Эдвард соизволил взглянуть на меня. Нельзя настолько поддаваться его влиянию. Это выглядит жалко. Не просто жалко – опасно.

Я изо всех сил старалась не думать о нем, и когда наконец раздался звонок, отвернулась и принялась собирать вещи, уверенная, что он, как обычно, молча выскользнет из класса.

– Белла!

Почему этот голос кажется таким знакомым, словно я знаю его не какие-нибудь несколько недель, а всю свою жизнь?

Я медленно, нехотя повернулась, опасаясь выдать свои чувства при виде его абсолютно безупречного лица. Когда я наконец повернулась, мое лицо было настороженным, а его – непроницаемым. Он молчал.

– Ну, что? Мы снова разговариваем? – не выдержав, спросила я, и этот вопрос прозвучал почти капризно.

Его губы дрогнули, он подавил усмешку.

– Вообще-то нет, – признался он.

Я закрыла глаза, пытаюсь скрыть разочарование. Он ждал.

– Тогда что тебе нужно, Эдвард? – не открывая глаз, спросила я: оказалось, что с закрытыми глазами разговаривать проще.

– Извини. – Голос звучал искренне. – Понимаю, я веду себя грубо. Но так будет лучше.

Я открыла глаза. Его лицо было совершенно серьезным.

– Не понимаю, о чем ты, – настороженно проговорила я.

– Нам лучше держаться друг от друга подальше, – объяснил он. – Просто поверь мне.

Я прищурилась: это мы уже проходили.

– Какая жалость, что ты додумался до этого так поздно, – прошипела я сквозь зубы. – А то не пришлось бы сожалеть.

– Сожалеть? – Это слово и мой тон стали для него неожиданностью. – Сожалеть о чем?

– Что не дал этому дурацкому фургону размазать меня по стоянке.

Он изумился и уставился на меня, словно не веря своим глазам.

– Думаешь, я сожалею о том, что спас тебе жизнь?!

– Я не думаю, я знаю, – выпалила я.

– Ничего ты не знаешь, – в сердцах бросил он.

Я резко отвернулась, сцепив зубы, чтобы не швырнуть ему в лицо целый поток нелепых обвинений, потом собрала учебники, встала и направилась к двери. Эффектно покинуть класс мне не удалось: зацепившись мыском ботинка за дверной косяк, я выронила книги, постояла, раздумывая, не оставить ли их здесь, потом вздохнула и уже наклонилась, намереваясь поднять их... как вдруг увидела, что Эдвард уже успел собрать их и с каменным лицом протягивает мне.

– Спасибо, – ледяным тоном произнесла я.

Он прищурился.

– Пожалуйста.

Я порывисто выпрямилась, отвернулась и проследовала в спортзал.

На физкультуре мне здорово досталось.

Играли в баскетбол. Товарищи по команде, к счастью, мне не пасовали, но я постоянно падала. И порой не одна. Сегодня я чувствовала себя особенно неуклюжей, потому что думала только об Эдварде.

Конец урока, как обычно, принес облегчение. Я почти бегом бросилась к пикапу – слишком много было вокруг людей, разговоров с которыми мне хотелось избежать. В аварии пикап почти не пострадал. Габаритные огни пришлось заменить, а если бы мне вздумалось замазать царапины, я справилась бы и сама. А родителям Тайлера пришлось продать их фургон на запчасти.

Меня чуть не хватил удар, когда я свернула за угол и увидела рослую темную фигуру, прислонившуюся к пикапу. Потом присмотрелась и, узнав Эрика, направилась к машине.

– Привет, Эрик.

– Привет, Белла.

– Что-нибудь не так? – спросила я, открывая машину. На его непривычное смущение я поначалу не обратила внимания, поэтому следующие его слова стали для меня полной неожиданностью.

– Я тут подумал... может, пойдем на весенний бал вместе? – На последнем слове он осекся.

– А мне казалось, на него девушки приглашают, – я так растерялась, что утратила чувство такта.

– Ну... да, – вяло согласился он.

Спохватившись, я постаралась сгладить неловкость улыбкой.

– Спасибо за приглашение, но в тот день я уезжаю в Сиэтл.

– А-а. Может, в другой раз.

– Конечно, – подхватила я и тут же осеклась. Не хватало еще, чтобы он воспринял мой ответ буквально.

Ссутулившись, он поплелся к школе. Неподалеку послышался негромкий смешок.

Эдвард шел мимо моего пикапа, не глядя по сторонам и крепко сжав губы. Рванув дверцу пикапа, я забралась внутрь и с грохотом захлопнула ее за собой. Взревел двигатель,

задним ходом я выбралась со своего места. Эдвард уже сидел в машине. Он резко тронулся, ловко подрезав меня, и остановился, ожидая своих; я видела, что все четверо направлялись в нашу сторону, но еще не дошли до кафетерия. Меня так и подмывало поддать сзади его сияющему «вольво», но свидетелей вокруг было слишком много. Я взглянула в зеркало заднего вида – на выезд со стоянки начала выстраиваться очередь. Тайлер Кроули махал мне из стоящей прямо за мной новой «сентры». В раздражении я сделала вид, что не заметила его.

Я старалась смотреть куда угодно, только не на машину Эдварда, как вдруг услышала стук в стекло с пассажирской стороны. Тайлер! Растерявшись, я взглянула в зеркало заднего вида: мотор его машины работал, дверцу Тайлер оставил открытой. Перегнувшись через пассажирское сиденье, я завертела ручку, опуская стекло. Оно не поддавалось, и я, опустив его до половины, оставила напрасные попытки.

– Извини, Тайлер, Каллен меня запер, – бросила я недовольно, ведь задержка произошла не по моей вине.

– Да вижу я, просто хотел спросить кое-что, пока мы тут застряли. – Он улыбался. Не может быть.

– Пригласишь меня на весенний бал?

– Меня не будет в городе, Тайлер, – ответ прозвучал слишком резко. Пришлось напомнить себе: Тайлер не виноват, что из-за Майка и Эрика мой запас терпения на сегодня исчерпан.

– Ага, Майк говорил мне, – подтвердил он.

– Ну и зачем тогда?..

Он пожал плечами.

– Я подумал, ты просто не хотела его обидеть.

А вот это уже его вина, целиком и полностью.

– Извини, Тайлер, – с плохо скрытым раздражением сказала я, – но я на самом деле уезжаю.

– Ничего. Еще выпускной впереди.

Ответить я не успела: он отошел к своей машине. Я буквально чувствовала, как отражается потрясение на моем лице. Посмотрев вперед, я увидела, что Элис, Розали, Эмметт и Джаспер уже садятся в «вольво». Эдвард наблюдал за мной в зеркало заднего вида. Сомнений быть не могло: он трясся от смеха, словно слышал каждое слово, сказанное Тайлером. У меня аж зачесалась нога на педали газа: от одного удара ничего не случится, разве что немного поцарапается блестящая серебристая краска. Я завела двигатель.

Но к тому времени они расселись, и Эдвард укатил прочь. Домой я ехала медленно и осторожно, бурча себе под нос.

На ужин я запланировала энчилады с курятиной: готовить их долго, а мне надо было чем-нибудь занять себя. Пока я томила репчатый лук и чили на медленном огне, зазвонил телефон. Поначалу я не решалась ответить, но звонить мог и Чарли. Или мама.

Оказалось, что звонит торжествующая Джессика: Майк разыскал ее после уроков и принял приглашение. Не переставая помешивать свой ужин, я коротко поздравила ее. Джессика сразу начала прощаться, ей еще надо было сообщить радостную новость Анджеле и Лорен. Словно невзначай, я заметила, что Анджела, застенчивая девушка, с которой мы виделись на биологии, могла бы пригласить Эрика, а замкнутая Лорен, которая за обедом мне ни слова не сказала, – Тайлера: я слышала, что он вроде бы еще свободен. Джесс

согласилась со мной. Теперь, когда насчет Майка она уже не сомневалась, ее сожаления, что меня не будет на балу, прозвучали искренне. Я опять напомнила, что еду в Сиэтл.

Повесив трубку, я сосредоточилась на ужине, особенно пока нарезала кубиками курятину: одной поездки в «Скорую» мне было вполне достаточно. Но в голове по-прежнему вертелись слова Эдварда, каждое из которых я подвергала придирчивому анализу. Что он имел в виду, говоря, что нам лучше держаться друг от друга подальше?

Внезапно до меня дошел смысл его слов, и внутри все сжалось. Он наверняка заметил, что я увлеклась им, и не хотел обнадеживать. Все дело в том, что он совершенно ко мне равнодушен.

Само собой, равнодушен, в отчаянии повторила я, и глаза защипало – запоздалая реакция на лук. Я никому не интересна. В отличие от него – интересного, умного, загадочного, безупречного, красивого... Не говоря уж о том, что он способен одной левой поднять целый фургон.

Ну и пусть. Я вполне могу отстать от него – и отстану. Продержусь еще немного в этом чистилище, в изгнании, на которое сама себя обрекла, а потом, если повезет, мне дадут стипендию в каком-нибудь колледже на Юго-Западе или даже на Гавайях. Заворачивая начинку в лепешки и ставя их в духовку, я старалась думать только о солнечных пляжах и пальмах.

Вернувшись домой и с порога учуяв запах перца, Чарли насторожился. Ничего странного: ближайшее заведение со съедобной мексиканской едой находится где-нибудь на юге Калифорнии. Но ему, полицейскому, пусть и в небольшом городке, хватило смелости съесть первый кусок. И, кажется, он остался доволен. Забавно было наблюдать, как он постепенно начинает доверять моим кулинарным способностям.

– Папа... – начала я, когда с ужином было почти покончено.

– Да, Белла?

– В следующую субботу я поеду в Сиэтл... ничего?

Просить разрешения мне не хотелось, чтобы не создавать нежелательный прецедент, но собственное заявление показалось мне грубым, вот я и внесла поправку в самом конце.

– Зачем? – удивился он, словно не мог представить себе, что в Форксе может чего-нибудь не хватать.

– Ну, надо прикупить кое-какие книги – здесь в библиотеке выбор ограничен, и, может быть, поискать какую-нибудь одежду.

Поскольку Чарли подарил мне машину, у меня остались свободные деньги. Хотя часть из них уйдет на бензин.

– Твой пикап, наверное, жрет бензин почему зря, – эхом повторил мои мысли Чарли.

– Знаю, но я подзаправлюсь в Монтесано и в Олимпии. И в Такоме, если понадобится.

– Совсем одна едешь? – спросил он, и я не поняла: то ли он подозревает, что я тайком встречаюсь с парнем, то ли опасается, что пикап подведет меня в пути.

– Да.

– Сиэтл – большой город, смотри не заблудись, – заволновался он.

– Папа, Финикс в пять раз больше Сиэтла, а я умею ориентироваться по карте, так что не беспокойся за меня.

– Хочешь, я поеду с тобой?

Скрывая ужас, я решила схитрить:

– Давай, но я же весь день проторчу в примерочных, ты изведешься от скуки.

– Да, пожалуй. – Перспектива провести день в магазинах женской одежды отрезвила его.

– Все равно спасибо за предложение, – улыбнулась я.

– А на бал успеешь?

Гррр. Только в маленьких городках даже отцы в курсе, когда у старшеклассников танцы.

– Нет. Я не танцую, папа.

Кто, как не он, должен понять меня: сложности с равновесием я унаследовала не от мамы.

И он понял.

– А, ну ладно.

На следующее утро, завернув на стоянку, я нарочно выбрала место как можно дальше от серебристого «вольво». Не хотелось бороться с искушением или, чего доброго, оплачивать Эдварду новую машину. Выбравшись из кабины, я не удержала в руках ключи, уронила их в лужу под ногами и наклонилась, чтобы поднять. Но белая рука мелькнула в воздухе и схватила ключи, опередив меня. Вздвогнув, я выпрямилась. Эдвард Каллен стоял рядом, небрежно прислонившись к моему пикапу.

– Как тебе это удастся? – в изумлении и досаде спросила я.

– Удастся что? – Мои ключи по-прежнему были у него. Я потянулась за ними, он уронил их мне на ладонь.

– Возникать из ниоткуда.

– Белла, я не виноват, что ты такая невнимательная. – Его голос был обычным – негромким, бархатистым.

Я нахмурилась, глядя на его безупречное лицо. Сегодня его глаза опять посветлели, приобрели насыщенный золотистый оттенок меда. Мне пришлось отвести взгляд, чтобы собраться с разбежавшимися мыслями.

– Зачем ты вчера вечером устроил пробку? – спросила я, не глядя на него. – Мне казалось, ты решил не замечать меня.

– Так я же не для себя старался, а для Тайлера. Надо было дать ему шанс, – рассмеялся он.

– Ах ты... – Подобрать достойное его ругательство не удалось. Я раскипятилась так, что об меня можно было обжечься, а Эдварда это лишь забавляло.

– И кстати, у меня и в мыслях не было не замечать тебя, – продолжал он.

– Значит, решил известить меня? Раз уж фургон Тайлера меня не прикончил?

Гнев вспыхнул в его золотистых глазах. Губы сжались в тонкую линию, насмешка исчезла бесследно.

– Белла, ты бредишь. – Его низкий голос стал холодным.

Мне так захотелось что-нибудь расколотить, аж зачесались ладони. Я изумилась самой себе: руки я обычно не распускаю. Круто развернувшись, я направилась прочь.

– Подожди! – окликнул он. Я не остановилась, сердито шлепая под дождем. Эдвард легко догнал меня и подстроился к моему шагу.

– Извини, я был груб, – на ходу заговорил он. Я молчала. – По форме я был неправ, но в целом остаюсь при своем мнении, – зачем-то добавил он.

– Может, просто оставишь меня в покое? – буркнула я.

– Я хотел задать тебе вопрос, а ты сбила меня с мысли, – усмехнулся он, словно не замечая моего недовольного тона.

– У тебя что, раздвоение личности? – строго спросила я.

– Опять ты за свое.

Я вздохнула.

– Ну ладно. Какой вопрос ты хотел задать?

– Слушай, я тут подумал, через неделю в субботу... ну, знаешь, весенний бал...

– По-твоему, это смешно? – перебила я, резко повернув к нему осыпанное каплями дождя лицо.

Его глаза злорадно блеснули.

– Можно мне закончить?

Я закусила губу и стиснула руки, переплетя пальцы, чтобы не наделать глупостей.

– Я слышал, как ты говорила, что в тот день собираешься в Сиэтл, вот и подумал: может, тебя подвезти?

Этого я не ожидала.

– Что?.. – Я не могла понять, что он задумал.

– Хочешь поехать в Сиэтл вместе?

– С кем? – озадачилась я.

– Со мной, разумеется. – Он выговорил каждый слог так отчетливо, словно общался с умственно отсталой.

Мое изумление не проходило.

– Но почему?

– Ну, я как раз в ближайшие недели собирался в Сиэтл и, честно говоря, не уверен, что твой пикап годится для такой поездки.

– Мой пикап в полном порядке, спасибо за заботу. – Я зашагала дальше, от удивления мой гнев начал утихать.

– Тебе же не хватит бака на всю поездку. – Он опять подстроился к моим шагам.

– А тебе что до этого?

Болван на блестящем «вольво»!

– Меня волнует бесполезное расходование невозобновляемых ресурсов.

– Знаешь что, Эдвард? – Назвав его по имени, я ощутила трепет и возненавидела себя. – Тебя не поймешь. Ты же говорил, что нам лучше держаться друг от друга подальше.

– Я говорил, что так было бы лучше, но я не говорил, что хочу этого.

– Ну, спасибо! Наконец-то все прояснилось.

Сплошной сарказм. Только тут я заметила, что опять остановилась. Мы стояли под навесом у кафетерия, дождь уже не бил мне в лицо при попытке взглянуть на Эдварда. Но легче от этого не стало.

– Гораздо... благоразумнее с твоей стороны было бы не водить дружбу со мной, – растолковал он. – Но я устал сторониться тебя, Белла.

Он впился в меня взглядом, голос стал прерывистым и страстным. Я вдруг разучилась дышать.

– Ты поедешь со мной в Сиэтл? – с напряжением в голосе спросил он.

Не в силах выговорить ни слова, я только кивнула.

Он сверкнул улыбкой и снова посерьезнел.

– Но ты должна держаться от меня подальше, – предостерег он. – Увидимся на уроке.

Он развернулся и направился в ту сторону, откуда мы пришли.

Глава 5

Группа крови

На английский я шла, словно в трансе. И только войдя в класс, поняла, что урок уже начался.

– Спасибо, что соизволили почтить нас своим присутствием, мисс Свон, – съехидничал мистер Мейсон.

Я вспыхнула и поспешила на свое место.

Лишь в конце урока я заметила, что Майк пересел со своего прежнего места рядом со мной, и ощутила укол совести. Но и он, и Эрик все-таки дождались меня у выхода из класса, и я расценила это как прощение. По пути на урок Майк, совсем как раньше, заговорил о прогнозе погоды на ближайшие выходные. В чередѣ дождей намечался краткий перерыв, так что, возможно, поездка на побережье все-таки состоится. В попытке загладить обиду, которую нанесла ему вчера, я изображала воодушевление. Это было непросто: даже если дождя все-таки не будет, температура не поднимется выше плюс десяти, да и то если нам повезет.

Остаток утра прошел как в тумане. Мне уже казалось, что я сама все придумала – и слова Эдварда, и его взгляд. Может, это был просто на редкость правдоподобный сон, который я перепутала с реальностью. Любое объяснение казалось более вероятным, чем предположение, что Эдвард проявил ко мне интерес.

В кафетерий я входила, изводясь от нетерпения и страха. Мне хотелось взглянуть ему в лицо, убедиться, что он не стал вновь таким же холодным и равнодушным, как на протяжении последних нескольких недель. Или что свершилось чудо, и этим утром я действительно услышала то, что слышала. Джессика без умолку болтала о предстоящих танцах, Лорен и Анджела уже пригласили парней и теперь надеялись пойти на бал вместе. Никто не замечал, что я их не слушаю.

Разочарование окатило меня, как только я привычно нашла взглядом в кафетерии стол Эдварда. Остальные четверо были на месте, а он отсутствовал. Уехал домой? С подавленным видом я встала в очередь рядом с продолжающей щебетать Джессикой. Аппетит пропал, я ограничилась бутылкой лимонада. Хотелось только одного: сидеть и хныкать.

– Опять Эдвард Каллен на тебя уставился. – Джессика наконец сумела привлечь мое внимание, назвав его по имени. – Интересно, почему он сегодня сел отдельно?

Я вскинула голову, взглянула в ту же сторону, что и Джессика, и увидела, что усмехающийся Эдвард смотрит на меня из-за столика в конце кафетерия, противоположном тому, где он обычно сидел. Заметив, что я смотрю на него, он поднял руку и указательным пальцем поманил меня. Я вытаращила глаза, а он подмигнул.

– Это он тебе? – спросила Джессика с обидным удивлением.

– Наверное, хочет, чтобы я помогла ему с домашней работой по биологии, – пробормотала я, чтобы не расстраивать ее. – Пойду узнаю, что ему надо.

Я отошла, чувствуя ее пристальный взгляд.

Подойдя к столу Эдварда, я нерешительно остановилась напротив, возле свободного стула.

– Не хочешь сесть со мной сегодня? – улыбаясь, спросил он.

Я машинально села, с опаской поглядывая на него. Он продолжал улыбаться. С трудом верилось, что эта красота – не сон. Я боялась, что в любую секунду он рассеется, как облачко дыма, а я проснусь.

Он как будто ждал от меня каких-то слов.

– Совсем другое дело, – наконец выговорила я.

– Что ж... – Он помолчал и скороговоркой закончил: – Я так решил: попал в ад – терпи муки.

Я ждала, когда он скажет хоть что-нибудь вразумительное. Бежали секунды.

– Ты же видишь: я понятия не имею, о чем ты, – наконец заметила я.

– Вижу. – Он снова улыбнулся и сменил тему. – По-моему, твои друзья сердятся, что я похитил тебя.

– Ничего, переживут.

Я чувствовала, как они буравят взглядами мою спину.

– А я вот возьму и не отдам им тебя, – предупредил он с озорным блеском в глазах.

Я судорожно сглотнула.

Он рассмеялся.

– Ага, испугалась.

– Нет, – возразила я, но голос по-дурацки дрогнул. – Скорее, удивилась... Что это значит?

– Я же объяснил: я устал избегать тебя. Поэтому сдаюсь. – Он все так же улыбался, но золотистые глаза посерьезнели.

– Сдаешься? – в замешательстве переспросила я.

– Да, больше не стану держаться в рамках. Отныне я делаю то, что хочу, а там будь что будет. – Пока он говорил, его улыбка погасла, голос стал жестким.

– Опять ты меня запутал.

На лице вновь вспыхнула немыслимо прекрасная усмешка.

– С тобой я всегда ухитряюсь наговорить лишнего, в этом-то и беда.

– Не волнуйся, я все равно ничего не понимаю, – с иронией отозвалась я.

– На то и расчет.

– Но в переводе на нормальный язык – теперь мы друзья?

– Друзья... – с сомнением повторил он.

– А может, и нет, – пробормотала я.

Он усмехнулся.

– Ну что ж, пожалуй, можно попробовать. Но имей в виду: для тебя я не лучшая компания. – Несмотря на улыбку, он не шутил.

– Ты только об этом и твердишь, – напомнила я, стараясь не замечать внезапную дрожь и говорить ровным голосом.

– Все потому, что ты меня не слушаешь. А я до сих пор жду, когда ты мневеришь. Будь ты посообразительней, сама начала бы избегать меня.

– Ты уже не первый раз отмечаешь мой интеллект. – Я прищурилась.

Он виновато улыбнулся.

– Ну что ж, поскольку я не блистаю умом, давай попробуем стать друзьями? – подвела я итог этому странному разговору.

– Давай попробуем.

Я перевела взгляд на свои руки, в которых держала бутылку лимонада, не зная, что

делать дальше.

– О чем задумалась? – любопытствовал он.

Его темно-золотистые глаза опять сбили меня с толку, и я, как обычно, брякнула правду:

– Пытаюсь тебя раскусить.

Он сжал зубы, но продолжал улыбаться, – правда, с трудом.

– И как, получается? – небрежно спросил он.

– Не очень, – призналась я.

Он хмыкнул.

– Какие версии? Может, поделишься?

Я вспыхнула. Весь последний месяц я колебалась между Брюсом Уэйном и Питером Паркером. Но признаваться в этом Эдварду не собиралась.

– Не скажешь? – спросил он, склонив голову набок с ошеломляюще обольстительной улыбкой.

Я покачала головой.

– Нет, не решусь.

– А вот это уже и в самом деле обидно, – расстроился он.

– Неужели? – прищурившись, протянула я. – Разве это обидно – когда человек отказывается тебе что-то рассказать? А некоторые еще делают при этом загадочные намеки, так что ты потом не спишь по ночам, пытаешься разобраться, что имелось в виду.

Он поморщился.

– Или еще, например, – меня понесло, – допустим, некий человек спасает тебе жизнь, а на следующий день будто и знать тебя не желает. И все это без объяснений. Так что какие могут быть обиды?

– Быстро же ты заводишься.

– Просто не терплю двойные стандарты.

Мы смотрели друг на друга в упор.

Он перевел взгляд выше, поверх моего плеча, и вдруг фыркнул.

– Ты что?

– Твой приятель, похоже, решил, что я тебя обижаю, и раздумывает, пора нас уже разнимать или нет.

– Не знаю, о ком ты говоришь, – ледяным тоном отрезала я. – Но в любом случае ты ошибаешься, можешь мне поверить.

– Я прав. Я же тебе говорил: большинство людей читаются на раз.

– А я – нет.

– А ты – нет. – Его настроение мгновенно изменилось, взгляд помрачнел. – И мне хотелось бы знать, почему.

Его взгляд стал таким пристальным, что я опустила глаза и принялась отвинчивать крышку с бутылки. Потом сделала глоток, уставившись в стол невидящим взглядом.

– Не хочешь есть? – сменил тему Эдвард.

– Не хочу. – Не стоило объяснять, что я уже сыта по горло – нервной дрожью в желудке. – А ты? – перед ним на столе было пусто.

– Я не голоден.

Он произнес эти слова с интонацией, которую я не поняла, – кажется, посмеялся шутке, известной лишь в его кругу.

– У меня есть просьба, – после секундного замешательства сказала я.

Он мгновенно насторожился.

– Какая?

– Ничего сложного, – заверила я.

Он ждал в напряжении и в то же время с интересом.

– Я вот подумала... в следующий раз, когда ты снова решишь не замечать меня ради моего же блага, не мог бы ты предупредить об этом заранее? Просто чтобы я успела подготовиться, – объясняя все это, я смотрела на свою бутылку лимонада и обводила мизинцем горлышко.

– Звучит логично.

Подняв взгляд, я заметила, что он сжимает губы, с трудом удерживаясь от смеха.

– Спасибо.

– Тогда я тоже попрошу. – Тон был требовательным.

– Хорошо.

– Поделись гипотезой. Хотя бы одной.

Ой.

– Только не это.

– Ты не ставила условий, просто согласилась выполнить просьбу, – напомнил он.

– Как будто ты никогда не нарушал обещаний! – парировала я.

– Всего одну гипотезу. Я не буду смеяться.

– Еще как будешь, – в этом я не сомневалась.

Он опустил голову, а потом бросил на меня опаляющий взгляд золотистых глаз из-под длинных черных ресниц.

– Ну пожалуйста! – выдохнул он, наклоняясь ко мне.

Я заморгала, в голове вмиг стало пусто. Господи, как ему это удастся?

– Э-э... что? – оторопело спросила я.

– Пожалуйста, назови мне свою гипотезу – одну, самую маленькую, – он не сводил с меня пылающих глаз.

– Эм-м... тебя укусил радиоактивный паук?

Может, он еще и гипнозом владеет? Или это я безвольная тряпка?

– С фантазией у тебя не ахти, – иронически оценил он.

– Ну извини, больше ничего не придумала, – оскорбилась я.

– Ничего похожего и в помине нет.

– Не было пауков?

– Ни единого.

– И радиоактивности тоже?

– Вообще.

– Не повезло, – вздохнула я.

– И криптонит на меня не действует, – ухмыльнулся он.

– А говорил, что не будешь смеяться. Уже забыл?

Он попытался сделать серьезное лицо.

– Рано или поздно я все равно узнаю, – предупредила я.

– Даже не пытайся. – Он опять не шутил.

– Это еще почему?

– А вдруг я не супергерой? Вдруг я злодей? – Он весело улыбался, но взгляд был непроницаемым.

– А-а, – отозвалась я, и сразу несколько его намеков вдруг обрели смысл. – Поняла.

– Правда? – Его лицо вдруг стало строгим, словно он жалел, что ненароком проговорился.

– Тебя надо бояться? – предположила я, и сердце забилося чаще: интуиция подсказывала, что я попала в точку. Он и вправду опасен. Именно это он и пытался мне втолковать.

В его глазах отражались недоступные моему пониманию чувства.

– Но ты не злодей, – прошептала я, качая головой. – Нет, я не верю, что ты настолько плох.

– Напрасно. – Его голос прозвучал чуть слышно. Не поднимая глаз, он забрал у меня крышку от бутылки и раскрутил ее, поставив на ребро. Я уставилась на него, гадая, почему мне не страшно. Ведь он не шутит, это ясно как день. А я ощущала лишь нетерпение, волнение, и главное – увлеченность. Так я всегда себя чувствовала, оказываясь рядом с ним.

Молчание длилось, пока я не заметила, что кафетерий почти опустел.

Я вскочила.

– Опоздаем!

– Сегодня я не пойду на урок, – произнес он, снова раскручивая крышку. Она вращалась с такой скоростью, что превратилась в размытое пятно.

– Почему?

– Изредка прогуливать уроки полезно для здоровья. – Он улыбался, но взгляд по-прежнему был беспокойным.

– А я пойду, – сказала я. Мне, трусихе, не хотелось получить нагоняй.

Он снова занялся своей импровизированной юлой.

– Ладно, до встречи.

Я медлила, желая разорваться, пока первый звонок не заставил меня вылететь за дверь. Обернувшись перед уходом, я заметила, что Эдвард даже не шелохнулся.

На урок я почти бежала, мысли вертелись быстрее, чем крышка от бутылки. Горстка полученных ответов не шла ни в какое сравнение с лавиной новых, только что возникших вопросов. Хорошо, хоть дождь прекратился.

Мне повезло влететь в класс, опередив мистера Баннера. Быстро усевшись на место, я заметила, что на меня glareют Майк и Анджела: у него был обиженный вид, а у нее – удивленный и слегка испуганный.

Вошедший мистер Баннер потребовал тишины. Он поставил на стол Майка несколько картонных коробок и велел передать их остальным.

– Итак, я хочу, чтобы все вы взяли по одному предмету из каждой коробки, – начал он, доставая из кармана лабораторного халата резиновые перчатки и надевая их. Скрип натянувшейся на запястьях резины показался мне зловещим. – Первый из этих предметов – карта-индикатор, – продолжал он, показывая классу белую карточку с четырьмя квадратами на ней. – Второй – аппликатор с четырьмя зубцами, – он поднял что-то похожее на почти беззубый гребень, – а третий – стерильный одноразовый ланцет, – он взял голубую пластмассовую штучку и отломил колпачок. Издалека иглу было не разглядеть, но у меня все равно скрутило живот.

– Я подойду к каждому с пипеткой для воды, чтобы подготовить карты, поэтому прошу вас не начинать, пока я к вам не подошел, – он снова начал со стола Майка и аккуратно капнул водой на каждый из четырех квадратов. – Теперь надо осторожно уколоть палец

ланцетом... – Он схватил Майка за руку и кольнул иглой подушечку среднего пальца. О, нет! На лбу у меня проступил холодный пот.

– Возьмите по капле крови каждым зубцом аппликатора. – Что он и продемонстрировал, сжимая палец Майка, пока на нем не набухла капля крови. Я судорожно сглотнула, борясь с подступающей тошнотой.

– И нанесите ее на карту, – закончил он, предъявляя нам карточку с расплывающимся кровавым пятном. Я закрыла глаза, пытаюсь расслышать объяснения сквозь звон в ушах.

– В следующие выходные Красный Крест проводит в Порт-Анджелесе день донора, вот я и подумал, что всем вам следует знать свою группу крови, – объяснил довольный собой мистер Баннер. – Тем, кому еще нет восемнадцати, понадобится разрешение родителей. Бланки у меня на столе.

Он продолжал обходить класс с пипеткой воды. Я прижалась щекой к прохладной черной крышке стола и попыталась остаться в сознании. Вокруг меня слышались визг, причитания, смешки – мои одноклассники тыкали ланцетами в пальцы. Я медленно и размеренно дышала ртом.

– Белла, что с тобой? – Встревоженный голос мистера Баннера прозвучал совсем рядом, над моей головой.

– Мистер Баннер, я уже знаю свою группу крови, – слабо выговорила я, не поднимая головы.

– Тебе плохо?

– Да, сэр, – пробормотала я, продолжая мысленно корить себя за то, что не прогуляла биологию вместе с Эдвардом.

– Пожалуйста, кто-нибудь, отведите Беллу к медсестре! – обратился он к классу.

В провожатые вызвался Майк.

– Идти сможешь? – спросил мистер Баннер.

– Да, – шепнула я. Что угодно, лишь бы выбраться отсюда, думала я. Хоть ползком.

Майк поспешил обнять меня за талию и закинуть мою руку себе на плечи. Выходя из класса, я повисла на нем всем телом.

Майк медленно вел меня по территории школы. Когда мы свернули за угол кафетерия и скрылись от глаз мистера Баннера, я остановилась.

– Я посижу немножко, ладно? – попросила я.

Он помог мне присесть на бордюр.

– Только палец спрячь в карман, – предупредила я. Голова по-прежнему кружилась. Я повалилась на бок, прижалась щекой к холодному и влажному бетону и закрыла глаза. Вот так уже лучше.

– Ого, ты аж позеленела, Белла, – занервничал Майк.

– Белла! – позвал издали другой голос.

О, нет! Только бы этот до боли знакомый голос мне померещился!

– В чем дело? Ей плохо? – Голос приблизился, в нем слышалось беспокойство. Значит, не померещилось. Я крепко зажмурилась, мечтая умереть. Или хотя бы сдержать рвоту.

Майк совсем разволновался.

– По-моему, она в обмороке. Не знаю, почему, она даже палец себе не колола.

– Белла! – с заметным облегчением произнес Эдвард совсем рядом. – Ты меня слышишь?

– Нет, – простонала я. – Уходи.

Эдвард усмехнулся.

– Я вел ее к медсестре, – объяснял Майк, словно оправдываясь, – а она не пошла дальше.

– Я сам отведу ее, – сказал Эдвард. Судя по голосу, он улыбался. – А ты иди в класс.

– Не пойду, – заупрямился Майк, – мне учитель велел.

Вдруг бордюр словно растворился подо мной. В ужасе я открыла глаза и обнаружила, что Эдвард поднял меня на руки так легко, словно я весила килограммов пять, а не пятьдесят.

– Положи на место!

Господи, только бы меня не вырвало прямо на него! Не дослушав меня, он зашагал вперед.

– Эй! – крикнул вслед Майк, отставший на десять шагов.

Эдвард не слушал его.

– Выглядишь жутко, – с усмешкой заметил он.

– Отпусти меня, – заныла я. От его движений при ходьбе меня опять затошнило. Он бережно удерживал весь мой вес на вытянутых руках, не прижимая к себе, и похоже, без всякого труда.

– Значит, тебе стало дурно при виде крови? – спросил он так, будто забавлялся.

Я не ответила. Закрыв глаза, я сжимала зубы, изо всех сил сдерживая тошноту.

– Даже не твоей, а чужой, – с довольным видом добавил он.

Не знаю, как он умудрился открыть дверь со мной на руках, но мне вдруг стало тепло, и я поняла, что мы в помещении.

– Боже мой! – ахнул женский голос.

– Ей стало плохо на биологии, – объяснил Эдвард.

Я открыла глаза: мы были в административном корпусе, Эдвард нес меня мимо стойки к медпункту. Рыжеволосая мисс Коуп бросилась вперед, чтобы открыть перед нами дверь. Медсестра, похожая на бабушку, изумленно подняла взгляд от романа, когда Эдвард зашел в медпункт и бережно положил меня на хрустнувшую одноразовую простыню поверх коричневой клеенчатой кушетки. Положил и отошел в дальний угол тесной комнаты. Его глаза возбужденно блестели.

– У нее просто закружилась голова, – успокоил он всполошившуюся медсестру. – Они определяли группу крови на биологии.

Медсестра понимающе закивала.

– Такое вечно с кем-нибудь случается.

Эдвард подавил смешок.

– Просто полежи минутку, милочка, и все пройдет.

– Наверное. – Я вздохнула. Тошнота уже отступала.

– Часто с тобой такое? – спросила медсестра.

– Иногда случается, – призналась я. Эдвард закашлялся, пряча очередной приступ смеха.

– А ты можешь возвращаться на урок, – сказала ему медсестра.

– Мне велели побыть с ней. – Он заявил об этом так уверенно, что медсестра не стала спорить, хоть и поджала губы.

– Сейчас принесу пузырь со льдом, положить тебе на голову, милочка, – пообещала она и скрылась за дверью.

– Ты был прав, – простонала я, с облегчением закрывая глаза.

– Как обычно. И в чем же на этот раз?

– Прогуливать и вправду полезно для здоровья. – Я старалась дышать ровно.

– Поначалу ты меня так напугала, – после паузы признался он, словно речь шла об унижительной слабости. – Я уж думал, Майк Ньютон тащит твой хладный труп в лес, чтобы зарыть там!

– Обхохочешься. – Я не открывала глаз, но с каждой минутой чувствовала себя все лучше.

– Без шуток, я видел покойников, у которых цвет лица был получше. И перепугался, что теперь придется мстить твоему убийце.

– Бедняга Майк. Наверняка взбесился.

– Он меня на дух не переносит, – жизнерадостно согласился Эдвард.

– Тебе-то откуда знать? – возразила я, но вдруг задумалась: возможно, он прав.

– Это видно по его лицу.

– Но откуда ты вообще взялся? Ты же вроде прогуливал. – Мне заметно полегчало, хотя тошнота, наверное, прошла бы быстрее, если бы я съела что-нибудь за обедом. А может, это и к лучшему, что в желудке у меня было пусто.

– Сидел в машине, слушал музыку.

Настолько нормальный ответ – я даже удивилась.

Услышав скрип двери, я открыла глаза и увидела медсестру с холодным компрессом.

– Вот так, милочка. – Она положила компресс мне на лоб. – Выглядишь гораздо лучше, – добавила она.

– Наверное, все уже прошло. – Я села. В ушах еще звенело, но голова не кружилась. И мятно-зеленые стены стояли как положено.

Медсестра собиралась снова уложить меня, но тут дверь открылась, и в медпункт заглянула мисс Коуп.

– К вам еще пациент, – сообщила она.

Я поспешно встала, освобождая кушетку для очередного страдальца.

Компресс я вернула медсестре.

– Возьмите, мне он уже не нужен.

В дверь вошел пошатывающийся Майк, ведя изжелта-бледного Ли Стивенса, еще одного моего одноклассника с биологии. Мы с Эдвардом прижались к стене, пропуская их.

– О, нет... – пробормотал Эдвард. – Выйди в приемную, Белла.

Я недоуменно смотрела на него.

– Поверь, так будет лучше, выйди.

Повернувшись, я юркнула в щель закрывающейся двери медпункта. Эдвард вышел следом.

– Наконец-то ты меня послушалась, – поразился он.

– Кровью пахло. – Я сморщила нос. Видимо, в отличие от меня, Ли мутило от вида собственной крови.

– Люди не чувствуют запах крови, – возразил он.

– А я чувствую, и меня от него тошнит. Кровь пахнет ржавчиной... и солью.

Он уставился на меня с выражением, недоступным моему пониманию.

– Ну, что? – спросила я.

– Ничего.

Вышел Майк и посмотрел сначала на меня, потом на Эдварда. Похоже, Эдвард не ошибся, утверждая, что Майк его на дух не переносит. Он окинул меня хмурым взглядом.

– Выглядишь лучше, – с осуждением заметил он.

– Только палец из кармана не вынимай, – снова предупредила я.

– Крови больше нет, – заверил он. – Вернешься на урок?

– Шутишь? Придется опять вести меня в медпункт.

– Это уж точно... Так ты едешь в выходные? На побережье? – с этими словами он метнул еще один свирепый взгляд на Эдварда, который прислонился к заваленной бумагами стойке и с неподвижностью статуи смотрел в пустоту.

Я постаралась ответить как можно приветливее:

– Конечно, я же сказала.

– Тогда встречаемся у отцовского магазина в десять. – Он снова стрельнул взглядом в Эдварда, словно сомневался, стоит ли выдавать эту секретную информацию при нем. Всем своим видом Майк давал понять, что на Эдварда приглашение не распространяется.

– Буду вовремя, – пообещала я.

– На физкультуре увидимся. – Он нерешительно направился к двери.

– Увидимся, – повторила я. Круглое лицо Майка стало чуть обиженным, он еще раз взглянул на меня и вышел за дверь, ссутулившись. На меня нахлынула волна сочувствия. Пришлось представить, как буду смотреть в его недовольное лицо еще целый урок... на физкультуре.

– Физкультура! – простонала я.

– Сейчас что-нибудь придумаем. – Я и не заметила, как Эдвард подошел и зашептал мне на ухо: – Сядь и притворись, что тебе плохо.

Задача оказалась несложной: бледной я выгляжу всегда, а после недавнего головокружения мое лицо по-прежнему блестело от испарины. Я опустилась на скрипучий складной стул, запрокинула голову, прижавшись затылком к стене, и закрыла глаза. После обморочных состояний я всегда чувствовала себя обессиленной.

Я услышала, как Эдвард негромко окликнул женщину за стойкой:

– Мисс Коуп!

– Да?

А я и не заметила, как она вернулась на рабочее место.

– Следующим уроком у Беллы физкультура, а ей, кажется, все еще плохо. Наверное, будет лучше, если я прямо сейчас отвезу ее домой. Вы не могли бы дать ей освобождение от урока?

Его голос сочился медом. Нетрудно было представить себе, каким головокружительным взглядом он одарил мисс Коуп.

– Наверное, и ей освобождение, и тебе тоже – да, Эдвард? – засуетилась мисс Коуп.

Ну почему я так не могу?

– Нет, у меня урок у миссис Гофф, она меня отпустит.

– Вот и хорошо. Поправляйся, Белла, – обратилась она ко мне. Я слабо кивнула, самую малость переигрывая.

– Сама дойдешь? Или тебя донести? – Эдвард стоял спиной к мисс Коуп, поэтому усмехался с нескрываемым сарказмом.

– Дойду.

Встала я с опаской, но убедилась, что чувствую себя неплохо. Придерживая передо мной дверь, Эдвард вежливо улыбался, хотя его глаза насмешливо блестели. Я вышла под холодный мелкий дождь, который только недавно начался. Впервые в жизни обрадовавшись воде, падающей с неба, я подставила дождю лицо, чтобы он смыл липкую испарину.

– Спасибо, – сказала я Эдварду, вышедшему за мной. – Ради того, чтобы отделаться от

физкультуры, можно и в обморок упасть!

– Не за что. – Он смотрел прямо перед собой, шурясь от дождя.

– Так ты поедешь? В субботу? – Хорошо бы он согласился, хотя это и маловероятно. Невозможно было представить даже, чтобы он сел в машину к кому-нибудь из ребят – он из другого мира. Но мне хватило одного только проблеска надежды, что он поедет с нами, чтобы впервые подумать о поездке с энтузиазмом.

– А куда вы едете?

Эдвард все так же безучастно смотрел вперед.

– В Ла-Пуш, на Ферст-Бич. – Я вгляделась в его лицо, пытаюсь понять реакцию. Глаза Эдварда чуть заметно сузились.

Скосив на меня взгляд, он иронично улыбнулся.

– Меня, кажется, не приглашали.

Я вздохнула.

– Я приглашаю.

– На этой неделе мы с тобой больше не будем доводить беднягу Майка. А то еще сорвется.

В его глазах плясали искры: похоже, ему нравится доводить беднягу Майка.

– Майк-шмайк, – буркнула я, задумавшись о том, каким тоном он произнес «мы с тобой». Это понравилось мне – больше, чем я была готова себе признать.

У стоянки я повернула налево, к своему пикапу, но Эдвард схватил меня за куртку и притянул обратно.

– Куда это ты собралась? – возмущенно спросил он, намотав на кулак ткань куртки.

Я озадачилась.

– Домой, а что?

– Ты не слышала, что я обещал благополучно доставить тебя до дома? Думаешь, я разрешу тебе сесть за руль в таком состоянии? – Голос был негодующим.

– При чем тут состояние? А как же мой пикап? – расстроилась я.

– Попрошу Элис пригнать его после уроков. – Он потянул меня к своей машине, схватив за куртку. Пришлось перебирать ногами, чтобы не рухнуть навзничь. Если бы я упала, он, наверное, потащил бы меня волоком.

– Пусти! – требовала я, но он не слушал. Так и пришлось плестись за ним, спотыкаясь, до самого «вольво». Только тогда он наконец отпустил меня, и я наткнулась на пассажирскую дверцу.

– Какая наглость! – буркнула я.

– Открыто, – только и ответил он и сел за руль.

– Я вполне способна сама доехать до дома!

Возмущаясь, я стояла возле машины. Дождь усилился, капюшон я не надела, и теперь вода с волос стекала мне за шиворот.

Нажатием кнопки он опустил стекло и наклонился ко мне через сиденье.

– Садись в машину, Белла.

Я не ответила, мысленно прикидывая, успею ли добежать до пикапа, прежде чем он меня догонит.

– Обратно притащу, – пригрозил он, разгадав мой план.

Я попыталась с достоинством сесть в машину. Но попытку вряд ли можно назвать успешной: я больше напоминала мокрую кошку, а ботинки противно скрипели.

– В этом нет никакой необходимости, – сухо обронила я.

Эдвард не ответил: нажимал кнопки, включал печку, приглушал музыку. Пока он выезжал со стоянки, я решила в отместку поиграть с ним в молчанку и даже заранее надула губы, но тут услышала знакомую мелодию, и любопытство заставило меня передумать.

– «Лунный свет»?

– Ты знаешь Дебюсси? – Он тоже удивился.

– Немного. Мама часто включает дома классическую музыку.

– Это одна из моих любимых пьес, – задумчиво сказал он.

Я слушала музыку, расслабившись на светло-сером кожаном сиденье. Дождь превратил пейзаж за окном в скопление серо-зеленых клякс. Мы ехали очень быстро, но машина неслась так плавно и ровно, что я почти не чувствовала скорости.

– Расскажи о своей матери, – вдруг попросил Эдвард.

Я повернула голову и увидела, что он с любопытством разглядывает меня.

– Внешне мы похожи, только она красивее, – объяснила я, и он вскинул брови. – Во мне слишком много от Чарли. Мама смелая, общительная, не то что я. Легкомысленная, немного эксцентричная, любит кулинарные эксперименты, правда, предугадать исход этих экспериментов практически невозможно. Мы с ней лучшие подруги. – Я умолкла, вдруг осознав, что соскучилась по маме.

– Сколько тебе лет, Белла? – Он был чем-то расстроен.

Машина остановилась, и я обнаружила, что мы уже возле дома Чарли. Дождь лил стеной, так что здание едва просматривалось. Казалось, машина погрузилась под воду.

– Семнадцать, – чуть смутилась я.

– На семнадцать ты не выглядишь.

Он словно в чем-то упрекал меня, и я рассмеялась.

– Ты что? – В нем снова проснулось любопытство.

– Мама вечно твердит, что я родилась тридцатипятилетней и с каждым годом становлюсь все больше похожей на женщину средних лет. – Я рассмеялась, потом вздохнула. – Что ж, должен же кто-то в семье быть взрослым. – После секундной паузы я заметила: – Ты тоже не очень-то похож на старшеклассника.

Он поморщился и сменил тему.

– Так почему же твоя мать вышла за Фила?

Я удивилась, что он запомнил, как его зовут – ведь я упоминала это имя всего один раз, почти два месяца назад. Ответила я после минутного размышления.

– Моя мама... для своих лет она очень молода. А с Филом, по-моему, чувствует себя еще моложе. Во всяком случае, она в него влюблена. – Я покачала головой. Эта влюбленность оставалась для меня загадкой.

– И ты не против ее брака?

– А не все ли равно? – возразила я. – Я хочу, чтобы мама была счастлива... а она хочет быть вместе с этим человеком.

– Такое великодушие... интересно... – задумчиво отозвался он.

– Что именно?

– Готова ли она отплатить тебе той же монетой, как ты думаешь? Кем бы ни оказался твой избранник? – Он вдруг впился в меня взглядом.

– Думаю, да, – с запинкой ответила я. – Но она же мать. Это другое дело.

– В таком случае не выбирай слишком страшных, – поддразнил меня он.

В ответ я усмехнулась.

– Слишком страшных – это каких? Сплошь в пирсинге и татуировках?

– Можно сказать и так.

– А как сказал бы ты?

Пропустив мимо ушей этот вопрос, он задал другой:

– Как думаешь, я могу быть страшным? – Он вскинул бровь, и легкая улыбка осветила его лицо.

На миг я задумалась, не зная, что прозвучит лучше: правда или ложь. И отважилась на правду.

– Хм... пожалуй, можешь, если захочешь.

– А сейчас ты меня боишься?

Улыбка исчезла, его неземное лицо вмиг стало серьезным.

– Нет, – но ответ прозвучал слишком поспешно, и улыбка появилась вновь.

– Может быть, теперь ты расскажешь мне о своей семье? – попыталась я сменить тему. – Наверняка твоя история гораздо интереснее моей.

Он мгновенно насторожился.

– Что ты хочешь узнать?

– Каллены усыновили тебя? – уточнила я.

– Да.

Я помедлила.

– Что случилось с твоими родителями?

– Они умерли много лет назад, – равнодушно ответил он.

– Сочувствую, – пробормотала я.

– На самом деле я их почти не помню. Карлайл и Эсме давным-давно уже стали мне настоящими родителями.

– И ты их любишь. – Это было скорее утверждение; он говорил о Калленах так, что ответ был очевиден.

– Да, – он улыбнулся. – Они лучше всех.

– Тебе повезло.

– Сам знаю.

– А твой брат с сестрой?

Он сверился с часами на приборной доске.

– Мои брат с сестрой, а если уж на то пошло, и Джаспер с Розали не обрадуются, если им придется мокнуть под дождем, дожидаясь меня.

– Ой, извини, тебе же надо уезжать! – Выбираться из машины мне не хотелось.

– А тебе надо, чтобы пикап пригнали раньше, чем шеф полиции Свон вернется домой. Тогда тебе не придется рассказывать о том, что стряслось с тобой на биологии.

– Да он наверняка уже в курсе. В Форксе невозможно что-то утаить, – вздохнула я.

Он засмеялся, смех прозвучал чуть самодовольно.

– Удачной вам поездки на побережье. Погода в самый раз, чтобы позагорать. – Он указал на ливень за окном.

– А разве завтра мы не увидимся?

– Нет. У нас с Эмметтом выходные начнутся досрочно.

– Чем займетесь?

Друзья вправе спрашивать об этом, верно? Я надеялась, что он не заметит

разочарования в моем голосе.

– Идем в поход в заповедник Гэут-Рокс, к югу от Рейнира.

Я вспомнила: Чарли говорил, что Каллены часто ходят в походы.

– Ну ладно, удачного вам похода.

Я постаралась изобразить искренность, но, кажется, обмануть его не сумела. По губам Эдварда порхала улыбка.

– Можешь выполнить одну мою просьбу? – Он посмотрел на меня в упор, пустив в ход всю силу своих пылающих золотистых глаз.

Я беспомощно кивнула.

– Не обижайся, но ты, похоже, из тех, кто прямо-таки притягивает к себе неприятности! Так что... постарайся не свалиться в воду и не попасть под машину, ладно? – Он усмехнулся.

Мою беспомощность как рукой сняло. Я ответила ему яростным взглядом.

– Сделаю, что смогу, – отрезала я и выскочила под дождь, изо всех сил хлопнув дверцей.

Уезжая, Эдвард по-прежнему улыбался.

Глава 6

Страшные истории

Сидя у себя в комнате, я делала вид, что корплю над третьим актом «Макбета», а сама слушала, не раздастся ли за окном рев моего пикапа. Мне казалось, я услышу его даже сквозь шум дождя. Но когда я в очередной раз выглянула в окно, оказалось, что пикап уже стоит у дома.

От пятницы я не ждала никаких подарков, и она в полной мере оправдала мои ожидания. Само собой, от разговоров о вчерашнем посещении медпункта было не отвертеться. Джессика смаковала историю старательнее всех. К счастью, Майк держал язык за зубами, поэтому о роли, которую сыграл в ней Эдвард, никто не знал. Но и без этого Джессика за обедом засыпала меня вопросами.

– Что нужно было вчера от тебя Эдварду Каллену? – спросила она на тригонометрии.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – До сути он так и не добрался.

– Ты была словно не в себе, – забросила она удочку.

– Правда? – как ни в чем не бывало переспросила я.

– Понимаешь, я ведь никогда раньше не видела, чтобы он сидел с кем-нибудь, кроме своих. Странно все это.

– Странно, – согласилась я.

Джессика, похоже, рассердилась. Она раздраженно отбросила за спину свои темные кудряшки. Видно, рассчитывала услышать от меня что-нибудь ценное, чтобы потом распустить слухи.

Гораздо хуже в эту пятницу было другое: Эдвард не пришел. Я знала, что он не придет, и все равно надеялась. В кафетерии, сидя рядом с Джессикой и Майком, я то и дело поглядывала в сторону стола, за которым Розали, Элис и Джаспер обсуждали что-то, склонив головы. Я подсчитала, сколько еще ждать новой встречи с Эдвардом, и окончательно впала в уныние.

За моим столом все только и говорили, что о завтрашней поездке. Майк снова оживился и возлагал большие надежды на местного синоптика, пообещавшего солнечную погоду. Я не собиралась верить в это, пока не увижу своими глазами. Но сегодня потеплело почти до плюс шестнадцати. Может, из этой поездки и выйдет что-нибудь путное.

За время обеда я заметила несколько недружелюбных взглядов Лорен, причины которых не понимала, пока мы не вышли из кафетерия. Я шла позади Лорен и видела ее гладкие, серебристо-белокурые волосы на расстоянии шага перед собой, а она об этом, очевидно, не подозревала. Я слышала, как она вполголоса говорит Майку:

– ...не понимаю, почему Белла... – она издевательски выговорила мое имя, – ...до сих пор не пересела к Калленам.

Раньше я не замечала, какой у нее противный гнусавый голос, вдобавок меня удивила прозвучавшая в нем злоба. Мы с Лорен были почти не знакомы – во всяком случае, она знала меня недостаточно хорошо, чтобы недолго любить. По крайней мере, раньше мне так казалось.

– Мы с ней друзья, поэтому она сидит с нами, – преданно, но с оттенком собственничества шепнул в ответ Майк. Я пропустила вперед Джесс и Анджелу, не желая

слушать продолжение разговора.

Тем вечером за ужином Чарли радовался тому, что я поеду в Ла-Пуш. Видимо, его мучили угрызения совести за свои дежурства по выходным, однако его привычки складывались годами и отказаться от них в одночасье было непросто. Разумеется, он знал по имени всех ребят, с которыми я уезжала, а также их родителей и, скорее всего, дедов. И, кажется, считал эту компанию подходящей. Интересно, отпустит ли он меня в Сиэтл с Эдвардом Калленом? Правда, я не собиралась сообщать ему об этом.

– Пап, а ты знаешь заповедник Гэут-Рокс, или как-то в этом роде? Кажется, к югу от горы Рейнир? – словно невзначай спросила я.

– Знаю, а что?

Я пожала плечами.

– В школе говорили, собираются туда в поход.

– Так себе место для походов, – удивился он. – Там медведей развелось, обычно туда ездят на охоту.

– А-а, – протянула я. – Наверное, я название перепутала.

Я собиралась поспать утром подольше, но непривычно яркий свет разбудил меня. Открыв глаза, я увидела, как в комнату заглядывают желтые лучи, не поверила своим глазам и бросилась к окну: действительно, солнце. Правда, слишком низко и, пожалуй, чересчур далеко, но все-таки солнце. На горизонте зависли облака, но над городом остался чистый клочок голубого неба. Я долго стояла у окна, боясь, что, если отойду, эта синева снова исчезнет.

Магазин Ньютонов «Снаряжение олимпийцев» находился у северной границы города. Я много раз проезжала мимо, но ни разу не заходила туда – туристическая экипировка мне без надобности. На парковке я заметила «сабербан» Майка и «сентру» Тайлера. Ставя машину рядом, я видела, что вся компания уже собралась возле «сабербана». Эрик болтал с двумя парнями из моего класса – Беном и Коннером. Джесс тоже была здесь, вместе с Анджелой и Лорен, а с ними – еще три девушки, в том числе та, которую, помнится, я сбила с ног в пятницу на физкультуре. Пока я выбиралась из машины, она смерила меня недобрым взглядом и о чем-то зашушукалась с Лорен. Лорен тряхнула шелковистыми светлыми волосами и презрительно прищурилась, глядя в мою сторону.

Значит, день будет еще тот.

Зато Майк обрадовался мне.

– Приехала! – восторженно закричал он. – Говорил я, что сегодня будет солнечно, или нет?

– А я пообещала, что поеду, – напомнила я.

– Осталось только дожждаться Ли и Саманту... если ты больше никого не приглашала, – добавил Майк.

– Никого, – легко соврала я, надеясь, что на лжи меня не поймают. И помечтала, что свершится чудо и Эдвард все-таки объявится.

Майк остался доволен.

– Поедешь в моей машине? Или в минивэне матери Ли?

– В твоей, конечно.

Он просиял. Осчастливить его оказалось очень просто.

– Оставлю тебе место спереди, рядом со мной, – пообещал он. Я постаралась не выдать

огорчения, сообразив, что осчастливить и Майка, и Джессику одновременно никак не получится. Враждебный взгляд Джессики я чувствовала на себе постоянно.

Впрочем, для меня все сложилось удачно. Ли позвал с собой еще двоих ребят, теперь каждое место в машинах было на счету. Я ухитрилась усадить Джесс между собой и Майком на переднее сиденье «сабербана». Джессика ликовала.

Расстояние между Ла-Пушем и Форксом – всего двадцать четыре километра по шоссе, и почти на всем протяжении его окаймляют густые зеленые леса, а вдалеке дважды мелькает широкая река Квилет. Мне повезло устроиться у окна. Вдевтером в машине было тесновато, мы ехали с открытыми окнами, и я старалась впитать как можно больше солнечных лучей.

Приезжая к Чарли в Форкс летом, я часто бывала на побережье в окрестностях Ла-Пуша, поэтому полумесяц пляжа Ферст-Бич был хорошо мне знаком. И все равно у меня каждый раз захватывало дух от этой картины. Даже при свете солнца вода казалась темно-серой, волны с белыми пенными гребнями тяжело бились о серый каменистый берег. Скалистые острова вздымались из этих стальных прибрежных вод, устремлялись отвесными утесами к острым вершинам, поросшим суровыми высокими елями. Пляж представлял собой узкую полоску песка вдоль границы воды, а дальше миллионы крупных гольшей выглядели издалика одинаково серыми, но вблизи поражали богатством оттенков терракоты, цвета морской волны, лаванды, сероватой синевы, тусклого золота. Вдоль границы прилива берег был усеян плавником – выброшенными стволами деревьев, белыми, как кости, от соленых волн. Одни громоздились кучами, доходившими до опушки леса, другие валялись тут и там отдельно, уже недостижимые для волн.

Со стороны океана налетал резкий ветер, пахло свежестью и солью. На волнах покачивались пеликаны, над ними кружили чайки и одинокий орел. Тучи обложили небо, грозили затянуть его в любой момент, но солнце по-прежнему храбро светило в голубом просвете.

Мы пробрались к берегу, Майк привел нас к выложенным кругом стволам деревьев, которые явно служили местом для пикника таким же компаниям, как наша. Здесь обнаружилась и яма от костра, полная черных углей и пепла. Эрик с Беном принялись собирать обломанные ветки из уже подсохших, ближайших к лесу куч плавника, и вскоре над кострищем была воздвигнута конструкция, напоминающая вигвам.

– Видела когда-нибудь, как горит плавник? – спросил меня Майк. Я сидела на стволе дерева, цветом напоминающем кость; остальные девушки, оживленно болтая, расселись по обе стороны от меня. Майк встал на колени перед костром и поджег тонкую ветку зажигалкой.

– Нет, – ответила я на его вопрос. Он осторожно вложил в «вигвам» запыхавшую ветку.

– Тогда тебе понравится – смотри, какие краски. – Он поджег еще одну тонкую ветку и отправил ее за первой. Пламя жадно принялось лизать сухое дерево.

– Голубое! – удивилась я.

– От соли. Красиво, правда? – Положив в костер еще одну зажженную ветку, он вернулся на место рядом со мной. К счастью, Джесс, сидевшая по другую сторону от него, сразу завладела его вниманием. Я наблюдала, как странное голубовато-зеленое пламя взбирается по «вигваму» вверх, к небу.

После получасовой болтовни у костра мальчишки решили сходить к ближайшим приливным заводям. Я озадачилась: с одной стороны, приливные заводи мне всегда нравились. Они завораживали меня с детства, о встрече с ними я с радостью вспоминала,

когда приходило время снова уезжать в Форкс. С другой стороны, я не раз падала в них. Впрочем, это не страшно, когда тебе семь лет и твой отец рядом. Я вспомнила просьбу Эдварда не свалиться в воду.

В итоге решение я приняла благодаря Лорен: ей не хотелось никуда идти, она сказала, что ее обувь не годится для походов. Почти все девчонки, кроме Анджелы и Джессики, тоже решили остаться на берегу. Дождавшись, когда Тайлер и Эрик вызвались побыть с ними, я встала и молча присоединилась к компании, которая выступала за поход к заводам. Заметив, что я иду с ними, Майк широко заулыбался.

Идти пришлось недолго, но в лесу деревья скрыли из виду небо, и я расстроилась. Зеленоватый свет в лесу не гармонировал с гогом подростков, казался слишком мутным и зловещим по сравнению с беспечной болтовней вокруг меня. Я старалась быть осторожной – аккуратно перешагивала торчащие корни, отводила в сторону нависающие ветки и вскоре отстала от остальных. В конце концов я покинула изумрудные застенки леса и снова очутилась на каменистом берегу. Отлив уже начался, воды приливной реки мчались мимо нас на пути к океану. Мелкие, никогда не пересыхающие лужи на ее галечных берегах кишели жизнью.

Я старалась помнить об осторожности и не наклоняться слишком низко над этими маленькими океанскими заводами. А остальные бесстрашно прыгали с камня на камень, опасно балансируя на самом краю. Я разыскала надежный с виду камень на берегу одной из самых больших заводов и осторожно присела на него, замороженная природным аквариумом. Целые букеты ярких морских анемонов непрерывно колыхались в невидимых течениях, раки-отшельники перебежали по дну под прикрытием витых раковин, неподвижные морские звезды распластались на камнях одна поверх другой, маленькая черная мурена в белую полоску, как зебра, лавировала между блестящими зелеными водорослями в ожидании, когда вернется океан. Каким бы захватывающим ни было это зрелище, время от времени я гадала, чем сейчас занят Эдвард, и пыталась представить, что он сказал бы, если бы оказался здесь со мной.

Наконец мальчишки проголодались, и я, с трудом распрямив затекшие ноги, двинулась за ними в обратный путь. На этот раз в лесу я старалась успеть за остальными и, само собой, несколько раз упала. Мои ладони покрылись неглубокими порезами, джинсы на коленях перепачкались зеленью, но могло быть и хуже.

На Ферст-Бич мы обнаружили, что наша компания пополнилась. Еще издалека мы заметили, что у пришедших пообщаться подростков из индейской резервации прямые и блестящие черные волосы и медно-красная кожа. Еду уже начали раздавать, мальчишки поспешили за своей долей, Эрик познакомил нас, когда мы расселись на плавнике у костра. Мы с Анджелой подошли последними, и когда Эрик называл наши имена, я заметила, что на меня с интересом взглянул мальчишка помладше остальных, сидевший на камнях возле костра. Я устроилась рядом с Анджелой, Майк принес нам сэндвичи и несколько бутылок газировки на выбор, а старший из гостей скороговоркой представил остальных семерых. Мне удалось расслышать только, что среди них тоже есть Джессика, а парня, обратившего на меня внимание, зовут Джейкоб.

Сидеть рядом с Анджелой было комфортно: она молчалива, ей незачем заполнять болтовней каждую паузу. Пока мы ели, я погрузилась в свои мысли, ее соседство мне не мешало. Я размышляла о том, как беспорядочно течет время в Форксе: временами оно прямо летит, так что успеваешь заметить лишь отдельные бессвязные образы на этом размытом

фоне. А потом вдруг каждая секунда приобретает значимость, оставляет в памяти неизгладимый след. Я точно знала, чем вызвана разница, и это меня тревожило.

За время обеда тучи крадучись перешли в наступление по голубому небу, иногда на миг загораживали солнце, отбрасывали длинные тени на пляж, зачерняли волны. Пообедав, мои соседи стали разбредаться кто куда – парами, по трое. Одни отошли к воде и пытались пускать «блинчики» по ее покрытой мелкой рябью поверхности. Другие собирались еще раз сходить к приливным заводам. Майк – вместе с Джессикой, тенью следующей за ним, – отправился в ближайшую деревню, в магазин. Несколько местных ребят составили ему компанию, остальные ушли на заводы. Наконец разошлись все, кто собирался, только я осталась сидеть на плавнике, Лорен и Тайлер неподалеку слушали плеер, предусмотрительно прихваченный кем-то, у костра пристроились трое ребят из резервации, в том числе Джейкоб и самый старший из парней, который познакомил нас с остальными.

Несколько минут спустя Анджела бросилась догонять ушедших к заводам, а ее место рядом со мной занял Джейкоб. С виду ему было лет четырнадцать, а может, пятнадцать, длинные и блестящие черные волосы он стягивал на затылке резинкой. Его красивая шелковистая кожа имела ржаво-коричневый оттенок, глаза были темными, глубоко посаженными над высокими скулами. Подбородок еще сохранял следы детской округлости. В целом на редкость симпатичное лицо. Но впечатление о внешности Джейкоба подпортили первые же слова, слетевшие с его языка.

– Ты ведь Изабелла Свон?

Как в первый день в новой школе.

– Белла, – со вздохом поправила я.

– Я Джейкоб Блэк. – Он протянул руку. – Ты купила пикап у моего отца.

– А-а, – с облегчением сказала я, пожимая его гладкую кисть, – ты сын Билли! Как же я сразу не вспомнила?

– Я в семье младший, но ты наверняка помнишь моих старших сестер.

– Рейчел и Ребекка, – сразу отозвалась я. Во время моих летних приездов Чарли часто возил меня к Билли, играть с его дочерьми, пока наши отцы рыбачили вместе. Но мы были слишком застенчивыми, поэтому так и не подружились. А к тому времени, как мне исполнилось одиннадцать, я уже научилась закатывать скандалы, чтобы положить конец поездкам на рыбалку.

– Они тоже здесь? – Я присмотрелась к девушкам на берегу, гадая, узнаю ли их теперь.

– Нет. – Джейкоб покачал головой. – Рейчел дали стипендию в университете штата Вашингтон, а Ребекка вышла замуж за серфера-полинезийца и теперь живет на Гавайях.

– Замуж? Ничего себе! – поразилась я. Сестры-близняшки были всего на год старше меня.

– Как тебе пикап? – спросил Джейкоб.

– Мне нравится. Хорошо бежит.

– Ага, только медленно, – рассмеялся он. – Когда Чарли купил его, у меня прямо от сердца отлегло. Отец нипочем не дал бы мне собрать новую машину, если в семье старая еще на ходу.

– Ну, не так уж и медленно, – возразила я.

– А разгоняться за девяното ты пробовала?

– Нет, – призналась я.

– Вот и хорошо. Даже не пытайся. – Он усмехнулся.

Я невольно ответила ему усмешкой.

– Зато отлично держит удар, – встала я на защиту своего пикапа.

– Эту колымагу и танком не раздавишь, – снова засмеявшись, согласился он.

– Значит, ты собираешь машины? – впечатлилась я.

– Когда есть свободное время и запчасти. Не знаешь случаем, где бы мне раздобыть главный цилиндр тормозной системы для «фольксвагена-рэббит» восемьдесят шестого года? – пошутил он. У него был голос с приятной хрипотцой.

– Извини, – засмеялась я. – В последнее время они мне не попадались, но если попадутся, буду иметь в виду.

Можно подумать, я знаю, что это такое! Общаться с Джейкобом оказалось очень легко.

Он улыбнулся, сверкнув ослепительными зубами и глядя на меня с явным интересом – я уже научилась разбираться в таких взглядах. И не я одна это заметила.

– Джейкоб, ты что, знаком с Беллой? – спросила Лорен, как мне показалось, с вызовом, сидя по другую сторону от костра.

– Да мы вроде как с пеленок друг друга знаем, – хохотнул он, снова улыбнувшись мне.

– Мило. – Судя по тону, ничего милого она в этом не видела. Она сощурила белесые рыбьи глаза.

– Белла, – снова заговорила она, не сводя внимательного взгляда с моего лица, – я как раз говорила Тайлеру: жаль, что Каллены сегодня с нами не поехали. Неужели никто не додумался пригласить их? – Ее огорчение было явно фальшивым.

– Ты про семью доктора Карлайла Каллена? – к нескрываемому раздражению Лорен, вмешался рослый и взрослый парень прежде, чем я успела ответить. Он и вправду был скорее мужчиной, чем мальчишкой, и говорил почти басом.

– Да, а ты их знаешь? – свысока бросила Лорен через плечо, сидя вполоборота к нему.

– Каллены сюда не заглядывают, – не ответив на ее вопрос, отрезал он.

В попытке снова завладеть вниманием Лорен, Тайлер спросил что-то про плеер у нее в руках. Она отвлеклась.

Я озадаченно засмотрелась на парня с басовитым голосом, но он сидел, отвернувшись от нас в сторону темного леса. Смысл его слов, про то, что Каллены сюда не заглядывают, был ясен, но тон намекал на нечто большее – некий запрет, словно путь сюда им заказан. Его слова оставили у меня странное впечатление, я пыталась не думать о них, но безуспешно.

[Купить полную версию книги](#)